
КУДА ОНИ НАС ВЕЗУТ?
Аксель Панцер

Аксель Панцер

Куда они нас везут?

«Автор»
2026

Панцер А.

Куда они нас везут? / А. Панцер — «Автор», 2026

«Куда они нас везут?» — спрашивают дети, когда за воротами лечебницы появляются закрытые автобусы. Взрослые отвечают уклончиво.
В списках возникают новые фамилии. Те, кого увозят, больше не возвращаются.Германия, 1940 год. Карл, Эльза, Пауль и Эрих живут в мире, где диагноз может стать приговором, а заполненная анкета — страшнее оружия. Они ещё верят врачам, письмам домой и обещаниям перевода. Но за привычными словами скрывается государственная машина уничтожения тех, кого объявили «недостойными жизни».Основанный на реальных преступлениях нацистского режима, роман рассказывает не только о страхе. Он о дружбе, попытке защитить друг друга и мужестве сохранить человеческое имя там, где его хотели заменить номером. Можно ли противостоять злу, если взрослые предпочитают не замечать его? И кто расскажет правду о тех, кого увезли навсегда?

© Панцер А., 2026
© Автор, 2026

Аксель Панцер
Куда они нас везут?

Аксель Панцер
КУДА ОНИ НАС ВЕЗУТ?
Книга I

ЧАСТЬ I
УЧРЕЖДЕНИЕ

Глава 1. За воротами

Поезд пришёл раньше, чем ожидали, и это почему-то сразу испортило всё утро. Отец любил время, подчинённое порядку. Он всегда выходил из дома так, чтобы на остановке ждать не больше трёх минут, а к поезду приходить за четверть часа: успеть купить билеты, проверить номер пути, положить чемодан на лавку и только потом позволить себе закурить. В этот раз он ещё у кассы дважды посмотрел на наручные часы, потом на большой станционный циферблат под стеклянным навесом и сказал матери:

— Значит, успеем спокойно.

Он произнёс это слишком бодро, и Карл сразу понял: успокаивает отец не её, а себя. Мать держала сумочку обеими руками. Она взяла её утром как обычно — старую тёмно-коричневую, с потёртым металлическим замком, — но сегодня сумочка казалась ей чем-то вроде поручня: пока пальцы сжимали ручки, можно было не делать лишних движений. Она не поправляла шляпу, не вынимала платок, не ругалась на сырость и даже не заметила, как край юбки коснулся грязной скамьи. Карл стоял рядом с чемоданом. Чемодан был отцовский, небольшой, твёрдый, с двумя латунными застёжками. В нём лежали две рубашки, бельё, три пары носков, зубная щётка, расчёска, полотенце, тёплая кофта и книга, которую мать положила уже в прихожей, когда отец сказал, что они опоздают.

— Там может быть скучно, — объяснила она.

Карл тогда хотел ответить, что лечебница и не должна быть местом для развлечений, но увидел её лицо и промолчал. На платформе пахло мокрыми шпалами, угольным дымом и железом. Недавний дождь оставил в углублениях между плитами тёмную воду, и люди перешагивали через лужи, поднимая чемоданы чуть выше. Носильщик катил тележку, колёса дребезжали на стыках. Возле газетного киоска спорили двое мужчин; чуть дальше женщина придерживала мальчика за воротник, чтобы он не подходил к краю платформы. Обычное утро. Именно это было хуже всего. Никто вокруг не знал, что Карл сегодня уезжает не на несколько станций к родственникам и не в школу, а туда, откуда дата возвращения не напечатана ни на одном билете. С утра мать говорила больше обычного. О яблоках в кладовой. О крыше над сараем. О том, что господин Рихтер всё-таки обещал прийти и заменить две черепицы до первых морозов. О соседской кошке, которая снова забралась к ним в подвал. О том, что Карлу, когда он вернётся, надо будет непременно посмотреть заднее колесо велосипеда — отец починил его, но цепь всё ещё соскакивает.

Ни разу она не сказала: «Я боюсь». И ни разу — «Я не хочу тебя оставлять». Отец тоже не говорил о лечебнице. Слово «Гёрден» прозвучало только один раз — у кассы.

— До Бранденбурга, — сказал он. — Дальше мы сами.

Адрес лежал у него во внутреннем кармане. Карл видел этот листок дома. В верхней части было напечатано название учреждения, ниже — улица, ещё ниже несколько строк мелким шрифтом. Он запомнил главное: земельная лечебница Гёрден. Направление дал доктор Шульце после последнего приступа. Карл вспомнил кухонный пол: холодную плитку под

щекой, металлический привкус во рту, лицо матери вверх ногами и отцовскую ладонь, которую тот зачем-то держал на его плече, хотя приступ уже закончился. Потом был таз с розовой водой — он прикусил язык. Мать делала вид, что это ерунда, и одновременно плакала, отвернувшись к раковине. Первый приступ случился почти два года назад, в школе. Карл ничего не помнил, кроме странного запаха, похожего на разогретое железо, и того, что следующей картинкой стало лицо учителя над ним. Потом несколько месяцев ничего. Все решили, что это случайность. Второй приступ пришёл зимой ночью. Отец проснулся от удара и нашёл сына между кроватью и стеной. Третий — весной во дворе. После четвёртого отец перестал говорить, что это «нервы» и «возрастное».

Доктор Шульце говорил долго и спокойно: наблюдение, обследование, подбор лекарств. Возможно, несколько недель. Возможно, больше. Там, сказал он, занимаются сложными неврологическими случаями, там есть специалисты. Мать после этого повторяла одну и ту же фразу:

— Там хорошие врачи.

Карл ни разу не спросил, откуда она это знает. Он подозревал: не знает. Просто ей тоже требовалась фраза, которую можно держать в руках вместо уверенности. Поезд подошёл с тяжёлым металлическим скрежетом. Пассажиры задвигались. Отец сразу взял чемодан, хотя Карл хотел нести сам.

— Я могу.

— Я знаю.

— Тогда дай.

— В вагоне отдашь.

Это было так по-отцовски, что Карл чуть не улыбнулся. В купе они оказались одни. Отец убрал чемодан на полку и сел ближе к двери. Мать заняла место у окна. Карл сел напротив неё. Когда поезд тронулся, платформа медленно поплыла назад, вместе с навесом, киоском, носильщиком и женщиной, которая теперь держала мальчика за руку. Потом появились склады, дворы, огороды. Город отступил так быстро, будто ему было всё равно, кто именно из него уехал. Мать сразу начала:

— Если чего-нибудь не хватит, напишешь.

— Хорошо.

— Носки там тёплые, но если будет холодно...

— Напишу.

— И про еду. Если кормят плохо, тоже напиши.

Отец повернул голову.

— Анна.

Она замолчала и посмотрела в окно. Карлу стало жалко её и одновременно неловко. В пятнадцать лет жалость к матери казалась чем-то, что надо скрывать почти так же тщательно, как страх. Он боялся не белых халатов и не уколов. С врачами уже приходилось иметь дело. Его пугало другое: проснуться после приступа и увидеть над собой людей, которые не знают, кто он. Дома мать всегда произносила его имя сразу. Отец говорил: «Карл, слышишь меня?» Даже сосед, если случалось на улице, знал фамилию. А там будут незнакомые лица, чужие руки, чужая комната.

— Вы приедете в воскресенье? — спросил он.

Мать ответила мгновенно:

— Конечно.

Отец — чуть позже:

— Если посещения разрешены.

Карл посмотрел на него.

— А могут не разрешить?

— В учреждениях свои правила.

— Это не тюрьма.

— Никто не сказал, что тюрьма.

Мать поспешила вмешаться:

— Это лечебница. Там режим нужен для больных.

Карл поймал себя на слове «больных». До сих пор он думал о приступах как о неприятной поломке, которая случается с ним время от времени. Теперь вдруг выяснилось, что он входит в группу людей, к которым применяют слово «больной» без уточнений. Отец заметил его лицо.

— Не начинай, — сказал он тихо.

— Я ничего не начинаю.

— Вот и хорошо.

Некоторое время они ехали молча. За окном были поля, мокрые после дождя, тонкие лесополосы, небольшие станции. На одной стояли солдаты. Молодые, в серо-зелёной форме. Один курил, другой смеялся и толкал приятеля плечом. Карл проводил их взглядом и подумал, что они, наверное, тоже едут туда, где за них решают, когда вставать и что делать. Сравнение показалось ему глупым, и всё же он не смог от него отделаться. Мать достала из сумки бутерброды.

— Ешьте.

Отец взял. Карл отказался.

— Потом.

— Ты с утра почти ничего не ел.

— Не хочу.

— Карл...

— Анна, — опять сказал отец.

Мать положила бутерброд обратно. На этот раз губы у неё дрогнули. Карл почувствовал себя виноватым.

— Дай один.

Она сразу оживилась, развернула бумагу, протянула ему хлеб с тонким ломтиком колбасы. Он ел без аппетита, но мать смотрела уже спокойнее. Иногда, подумал он, любовь состоит из совсем странных вещей: из того, что ты съедаешь бутерброд, хотя не хочешь, чтобы другому человеку стало легче. Когда поезд миновал очередную станцию, Карл вдруг вспомнил часы.

— Папа.

— Что?

— Заберёшь мои?

Он показал левое запястье. Часы подарили ему на четырнадцатилетие. Небольшие, простые, с потёртым кожаным ремешком. Отец купил их у знакомого мастера и сам заменил стекло.

— Зачем?

— Там могут потеряться.

— Могут и не потеряться.

Карл пожал плечами. Отец протянул руку.

— Если хочешь.

Карл расстегнул ремешок и положил часы на его ладонь. Запястье сразу стало непривычно лёгким и голым. Отец повертел часы, машинально приложил к уху.

— Идут.

— Я знаю.

— Верну, когда приедешь домой.

Карл кивнул. Мать отвернулась к окну. Он заметил, как она быстро провела пальцем под глазом. После этого они почти не говорили до самого Бранденбурга.

* * *

От станции ехали трамваем, потом шли пешком. Отец нёс чемодан, Карл — свою книгу и свёрнутую кофту. Небо оставалось низким, но дождь прекратился. Мокрые листья липли к тротуару. Чем дальше они уходили от центра, тем реже становились дома. Карл первым увидел ограду. Она тянулась вдоль дороги, а за ней поднимались деревья. Сначала он решил, что это парк. Только потом между стволами появились длинные кирпичные корпуса. Некоторые были двухэтажными, другие выше. Дорожки пересекали территорию прямыми линиями, по ним двигались люди в одинаковой одежде. У одного здания женщины развешивали бельё. У другого двое мужчин катили тележку.

— Это оно? — спросил Карл.

Отец сверился с адресом, хотя табличка уже была видна.

— Да.

Мать остановилась на полшага. Карл оглянулся.

— Что?

— Ничего.

Она поправила перчатку и пошла дальше. У ворот сидел служитель с журналом. Отец назвал фамилию. Мужчина провёл пальцем по списку.

— Вебер, Карл. Поступление?

— Да.

Карандаш поставил отметку. Так быстро, что Карл почти обиделся. Всё их утро, поезд, разговоры матери, часы в кармане отца — для этого человека были одной строкой и одной галочкой. Внутри административного корпуса пахло мылом, мокрой шерстью и карболкой. В приёмной стояли весы, ширма, ряд стульев. Женщина в белом халате сидела за столом и не предложила родителям сесть.

— Документы.

Отец протянул конверт. Она открыла, просмотрела направление, историю болезни, какие-то справки.

— Карл Вебер?

— Да.

— Дата рождения?

Он ответил.

— Первый приступ?

— Два года назад.

Мать вмешалась:

— Почти два. Ему было тринадцать и несколько месяцев.

Женщина записала именно так, как сказал Карл.

— Потеря сознания?

— Да.

— Судороги?

Отец ответил:

— Да.

— Прикусывание языка?

Карл почувствовал, как мать напряглась.

— Было, — сказал он.

— Недержание?

Он покраснел. Мать отвернулась. Отец посмотрел в сторону окна.

— Один раз.

Женщина отметила и это. Её лицо не изменилось. Для неё вопрос был таким же обычным, как дата рождения. Карл же впервые понял, что отныне подробности, которые дома считались стыдными и личными, здесь будут частью документации. Вопросы продолжались: болел ли кто-

нибудь в семье, были ли судороги у родственников, пил ли отец, как Карл учится, оставался ли на второй год, случались ли драки, может ли самостоятельно одеваться, умываться, есть, ходить в уборную. На вопрос об одевании он даже усмехнулся.

— Мне пятнадцать.

Женщина подняла голову.

— Это не ответ.

Он перестал улыбаться.

— Да, могу.

— Профессия?

— Пока нет.

— Кем хочешь стать?

— Часовщиком.

Теперь она впервые посмотрела на него не как на строку.

— Почему?

— Мне нравятся механизмы.

— Разбирать?

— И собирать обратно.

— Получается?

— Обычно.

Уголок её рта чуть дрогнул. Потом лицо снова стало служебным. Карла взвесили, измерили рост. Попросили раздеться до белья. При матери. Он сопротивлялся не словами — просто медлил с пуговицами.

— Можно за ширму? — спросил он.

— Конечно.

Это маленькое «конечно» неожиданно вернуло ему немного достоинства. За ширмой он снял рубашку. Услышал, как мать тихо говорит отцу:

— Худой стал.

— Не выдумывай.

— Посмотри на плечи.

— Он растёт.

Карл сжал зубы. Ему хотелось выйти и сказать, что он всё слышит, но тогда пришлось бы признать, что его это задевает. Молодой врач появился минут через десять. Поздоровался с родителями, затем с Карлом отдельно. Это тоже понравилось. Он проверил сердце, лёгкие, зрачки, рефлексы. Попросил пройти по линии, закрыть глаза, коснуться пальцем носа.

— До приступа что-нибудь чувствуешь?

— Иногда запах.

— Какой?

Карл задумался.

— Как горячее железо. Или дым.

— Сколько длится?

— Не знаю. Иногда успеваю понять, что сейчас будет.

— Сказать кому-нибудь успеваешь?

— Не всегда.

Врач записывал быстро, но время от времени смотрел прямо на Карла.

— После приступа помнишь, что случилось?

— Нет. Потом голова болит.

— Долго?

— Иногда весь день.

— Учишься как?

— Нормально.

— «Нормально» — плохое медицинское слово.

Карл невольно улыбнулся.

— Математика хорошо. Физика хорошо. Латынь хуже.

— Поведение в школе?

— Спросите учителя.

— Я тебя спрашиваю.

— Тогда хорошее.

Врач тоже улыбнулся.

— Дерёшься?

— Нет.

— Убегаешь из дома?

— Нет.

— Голоса, которых другие не слышат?

Карл нахмурился.

— Нет.

— Странные видения?

— Только ваши вопросы.

Мать тихо ахнула:

— Карл.

Но врач не рассердился.

— Хорошо. Чувство юмора сохранено.

Он действительно что-то записал, и Карл не понял, шутит ли тот. После осмотра врач повернулся к родителям.

— Нам нужно наблюдение. Возможно, дополнительные исследования. Прежде всего попробуем уточнить характер приступов и подобрать лечение.

— Сколько? — сразу спросила мать.

— Сейчас сказать невозможно.

— Неделя?

— Возможно.

— Две?

Врач помедлил.

— Может быть дольше.

Мать сжала сумочку так, что побелели костяшки пальцев.

— Нам говорили несколько недель.

— Несколько — это не всегда две.

Отец спросил:

— Приступы можно остановить?

Врач ответил осторожно:

— Иногда удаётся значительно уменьшить частоту. Иногда подобрать режим, при котором человек живёт почти без ограничений. Но заранее обещать нельзя.

Отец кивнул. Карл знал этот кивок: отец любил честные ответы, даже неприятные. Мать спросила:

— Посещения по воскресеньям?

Врач открыл рот, но женщина за столом ответила раньше:

— По разрешению отделения.

— Но обычно разрешают?

— По состоянию пациента.

Мать словно хотела спросить ещё, но врач уже нажал кнопку на столе. Вошла сестра.

— На седьмое отделение.

И вот тогда всё стало настоящим. До этой секунды можно было представить, что они ещё втроём. Что врач — просто ещё один этап поездки. Что сейчас выйдут из кабинета вместе. Но сестра взяла чемодан и положила ладонь на ручку так уверенно, будто он уже принадлежал учреждению. Мать подошла первой. Обняла Карла слишком крепко. Он почувствовал запах её пудры и мокрой шерсти пальто.

— Пиши.

— Буду.

— Сразу. Сегодня, если дадут бумагу.

— Мам.

— Что?

— Я же не на войну.

Он сказал это, чтобы она улыбнулась. Она попыталась. Губы растянулись и сразу опустились. Отец пожал ему руку. Так у них было принято. Карл не помнил, когда отец обнимал его в последний раз.

— Слушай врачей.

— Хорошо.

— Если чувствуешь приближение приступа — говори. Не геройствуй.

— Я не геройствую.

— Именно так говорят те, кто геройствует.

Карл хотел ответить, но заметил внутренний карман отцовского пальто.

— Часы не потеряй.

Отец хлопнул по карману.

— Не потеряю.

Сестра сказала:

— Пойдём.

Карл сделал несколько шагов, потом обернулся. Мать подняла руку. Отец стоял рядом и вдруг показался старше, чем утром. Не седее, не слабее — просто старше, будто между ними уже появилась какая-то дистанция, которую нельзя пройти обратно за несколько секунд. Карл хотел что-нибудь сказать. Что всё будет нормально. Что он вернётся. Что мать зря боится. Но все эти фразы были обещаниями, которых он не мог дать. Дверь закрылась.

* * *

Сестра шла быстро. Карл едва успевал смотреть по сторонам. Коридор был длинный, с высокими окнами. За одной дверью кто-то смеялся. За другой слышался кашель. Где-то далеко мужчина кричал одним и тем же протяжным звуком, без слов. Карл невольно замедлил шаг.

— Что? — спросила сестра.

— Ничего.

— Тогда идём.

Они вышли во двор. Карл увидел учреждение уже изнутри: прямые дорожки, корпуса, каштаны, хозяйственные постройки. По одной дорожке шла группа женщин. Две держались под руки. Молодой парень катил тележку с бельём. Мужчина в сером стоял у дерева и гладил ладонью кору, словно проверял, настоящая ли она. На скамье сидела девушка и вязала. Рядом санитар читал газету. И это неожиданно успокоило Карла. Здесь не было того страшного, что он бессознательно представлял по дороге: криков за каждой дверью, людей, привязанных к кроватям, врачей, которые сразу что-то делают с тобой. Люди гуляли, работали, сидели на скамейках. Место было похоже на странный маленький город, где все здания принадлежали одной власти. Возле одного корпуса две девочки лет десяти шли, держась за руки. Одна прихрамывала. Другая что-то рассказывала, широко размахивая свободной рукой. Карл проводил их взглядом.

— Долго здесь лежат? — спросил он.

Сестра не обернулась.

— Кто?

— Все.

— По-разному.

— А я?

— По-разному.

— Очень понятно.

Она остановилась и посмотрела на него. На лице у неё не было злости. Скорее усталость.

— Ты сегодня первый день. Если будешь требовать точный ответ на всё, устанешь ещё до ужина.

— А если я люблю точные ответы?

— Тогда тебе будет труднее.

Она снова пошла. На втором этаже дверь открывалась ключом. Карл заметил это сразу. Сестра поймала его взгляд.

— На ночь закрывают.

— Почему?

— Чтобы никто не ушёл не туда.

— Можно заблудиться в коридоре?

— Можно уйти из корпуса.

Карл ничего не сказал. Палата номер семь оказалась больше его комнаты дома. Шесть металлических кроватей, белые стены, высокое окно, шесть тумбочек. На одной кровати сидела девочка примерно его возраста и читала. Волосы собраны кое-как, одна нога вытянута, рядом прислонена трость. На другой мальчик раскладывал пуговицы по цветам. Ещё один подросток стоял у окна спиной к двери.

— Новенький, — сказала сестра.

Девочка подняла глаза, оценила Карла одним быстрым взглядом и снова опустила книгу.

— Вот твоё место.

Свободная кровать стояла ближе к двери. Карл поставил книгу на тумбочку. Сестра открыла чемодан и стала сверять вещи по листу.

— Две рубашки. Три пары носков. Два комплекта белья. Кофта. Полотенце. Щётка. Расчёска.

— Я сам могу.

— Я знаю.

— Тогда зачем вы...

— Потому что я должна записать.

Она аккуратно сложила всё обратно, закрыла чемодан.

— Это заберут на хранение. Одежду выдадут больничную.

— А мою когда вернут?

— При выписке.

Карл почувствовал, как это слово — выписка — внезапно отдалилось.

— Книгу можно оставить?

— Можно.

Она ушла вместе с чемоданом. Дверь закрылась. Мальчик с пуговицами тут же подошёл.

— Ты новый?

— Похоже.

— Как зовут?

— Карл.

— Я Пауль.

Он протянул руку. Ладонь была тёплая и влажная.

— Это Эльза, — продолжил Пауль. — Она всегда читает.

Девочка, не отрывая глаз от страницы, сказала:

— Неправда.

— Правда.

— Я сейчас разговариваю.

— Но книгу держишь.

— Это другое.

Пауль показал на подростка у окна.

— А это Эрих. Он тебя не слышит.

Эрих обернулся.

— Слышу немного, — сказал он отчётливо. — А тебя слишком много.

Пауль расхохотался. Эльза улыбнулась, не поднимая головы. Карл тоже засмеялся. Впервые за весь день смех вышел сам, без усилия. Он сел на кровать.

— Давно вы здесь?

Пауль ответил сразу:

— Я долго.

— Это сколько?

— Долго.

Эльза перевернула страницу.

— У Пауля календарь внутри устроен хуже, чем у нормальных людей.

— А у тебя?

— Семь месяцев.

Карл посмотрел на неё.

— Семь?

Она подняла глаза.

— Испугался?

— Нет.

— Значит, плохо врёшь.

Карл хотел ответить резко, но понял, что она не издевается. Просто говорит так, как думает. В коридоре звякнули ключи. Он машинально посмотрел на левое запястье. Часов не было.

— Который час? — спросил он.

Пауль посмотрел на окно.

— До ужина ещё.

— Очень точно.

— Здесь точнее и не надо, — сказала Эльза.

Карл хотел спросить почему, но промолчал. За окном темнели каштаны. Между корпусами двигались редкие фигуры. Вдалеке, за деревьями, ещё можно было различить ворота, через которые он вошёл вместе с родителями. Теперь они были по другую сторону. Карл долго смотрел туда, пока сумерки не стёрли решётку и дорогу. Впервые за день он почувствовал не страх и не раздражение, а простое, тяжёлое одиночество. Оно оказалось гораздо тише, чем он ожидал.

Глава 2. Палата номер семь

Карла разбудили ключи. Сперва звон раздался далеко в коридоре, затем ближе; кто-то повернул ключ в замке их палаты, и только после этого дверь открылась. За окном ещё не рассвело как следует. Дома утро начиналось иначе: мать ходила по кухне, звякала крышка чайника, на улице проезжал молочник. Здесь прежде человека приходил железный звук. Сестра поставила у двери таз и полотенца, велела подниматься и принялась поправлять одеяло на

пустой кровати. Карл несколько секунд не мог понять, почему не видит знакомых обоев. Потом вспомнил вокзал, мать с сумочкой, ворота лечебницы и своё вчерашнее обещание вести себя разумно.

Пауль уже сидел босиком и безуспешно разыскивал второй носок. Один оказался у него в руке, другой — под тумбочкой. Эрих застёгивал рубашку возле окна, глядя на отражение в стекле. Эльза лежала лицом к стене, но не спала. На приказ сестры подняться она отозвалась раздражённо: слух у неё исправен, чего нельзя сказать о ноге. Сестра дала ей пять минут и вышла. Карл невольно проследил, как девочка сначала поставила на пол правую ногу, потом передвинула рукой левую, дождалась, пока отпустит напряжение, и только тогда ухватилась за спинку стула.

— Не смотри так, будто я сейчас рассыплюсь, — сказала Эльза, не оборачиваясь.

Карл смутился. После приступов он сам ненавидел чужие пристальные взгляды; однако, увидев чужую трудность, тут же сделал именно то, что раздражало его дома. Он отвернулся и занялся одеждой. В умывальную ходили по двое. От ледяной воды Пауль отскочил, потом снова сунул лицо под кран и стал громко фыркать. На вопрос Карла, зачем так мучиться, если уже проснулся, ответил совершенно серьёзно: жалуется, чтобы вода стала теплее. Они оба рассмеялись. Сестра заглянула внутрь и велела поторопиться.

Постели требовалось застилать так, чтобы складок не оставалось даже под одеялом. Пауль честно пытался разгладить простыню, но у стены всякий раз вырастал валик. Эльза поправила его одним движением, хотя потом долго переводила дыхание, прежде чем взяться за собственную кровать. Карл впервые спокойно оглядел палату: его место у двери, напротив Пауль, у окна Эльза и Эрих, ещё один молчаливый рыжеватый мальчик. Шестая кровать стояла без белья. На вопрос, кто там спал, Пауль сказал, что теперь никто, а Эльза назвала имя — Вальтер. Мальчика перевели. Карл уже хотел расспросить подробнее, но увидел, как Эльза крепче взяла трость и повернулась к выходу. Других сведений она давать не собиралась.

* * *

Столовая гудела тихим, приглушённым шумом. Подростки сидели отдельно от взрослых; сёстры проходили между длинными столами и время от времени поправляли чью-нибудь тарелку или придвигали ложку ближе к руке пациента. От влажных пальто пахло сырой шерстью, от кружек — обжаренным ячменём. Каша выглядела так, словно молоко в неё налили только для цвета. Пауль объявил напиток настоящим кофе и допил половину кружки сразу. Эрих заметил, что у дяди, у которого мальчик якобы пробовал кофе, наверняка подавали то же самое. Пауль не стал спорить: для него название нисколько не меняло вкуса.

Эльза ела медленно, отламывая от хлеба маленькие куски и раскладывая их на краю тарелки. Карл поинтересовался, зачем она это делает, и узнал странное правило здешней жизни: хлеб не становится больше, зато завтрак будто длится дольше. Он попробовал разделить собственную горбушку. Пальцы были ещё холодными после умывания, мякиш крошился; у Эльзы же получались аккуратные кусочки, словно она давно отработала этот нехитрый способ растянуть время.

С соседнего стола упала ложка. Мальчик лет двенадцати сидел над тарелкой и тщетно пытался удержать рукоятку негнущимися пальцами. Сестра подняла прибор, вытерла его и вложила обратно в ладонь. Ложка накренилась, каша пролилась на стол. Карл невольно напрягся, ожидая смешка: в школе обязательно нашёлся бы кто-нибудь, кто передразнил бы неловкое движение. Но здесь никто не смеялся. Люди продолжали есть, и только сестра терпеливо придержала мальчику запястье. Эльза сказала Карлу, что Руди иногда справляется сам, а иногда нет; от одного дня нельзя судить обо всём человеке.

Руди наконец поднёс ко рту почти полную ложку. Он смотрел на неё с таким сосредоточением, с каким отец Карла проверял хрупкую часовую пружину. Карл отвёл глаза не из неловкости за мальчика, а потому, что ему вдруг стало стыдно за своё ожидание чужого смеха.

Когда завтрак закончился, посуду собирали по рядам. Руди всё ещё сидел над последней ложкой каши: медленно поднимал её, задерживал дыхание и следил за тем, чтобы содержимое не перелилось через край. Сестра уже несколько раз проходила мимо и наконец сказала, что пора. Руди опустил ложку. Он не возразил, хотя, судя по тому, как напряглась его кисть, хотел закончить сам. Карл взял свою пустую кружку и остался сидеть рядом. Ему было неловко объявлять, что он ждёт другого мальчика, и он принялся сосредоточенно очищать со стола хлебные крошки.

— Ты можешь идти, — сказал Руди, с трудом выговаривая слова.

Карл ответил, что торопиться ему некуда. Это было не совсем правдой: в коридоре уже строилась группа на прогулку. Но он продолжал сгребать крошки в ладонь, пока Руди не удалось проглотить последнюю ложку. Когда сестра вернулась, на тарелке ничего не осталось. Она взглянула на мальчиков, молча забрала посуду и направилась к двери.

В коридоре Пауль спросил, почему Карл задержался. Услышав о Руди, он удивился: тот всегда ест долго. По мнению Пауля, в этом не было ничего особенного. Карл почувствовал себя глупо. Он успел придумать собственному поступку значение, а для соседей по палате всё давно было привычным. Когда Руди прошёл мимо их стола в общей комнате, Карл кивнул ему так, как кивал в школе знакомым старшеклассникам. Руди ответил едва заметным движением головы. Этого оказалось достаточно.

* * *

После завтрака пациентов вывели во двор. Ночной дождь вымыл кирпичные стены и дорожки; под каштанами ещё стояли мелкие лужи. Впереди шла сестра, замыкал группу санитар. Карл старался запомнить расположение корпусов. Слева поднимался пар над прачечной, за ней виднелся хозяйственный двор, где мужчины переносили поленья, а женщины в серых платьях катили корзины с бельём. Дальше, за садом, стояло невысокое здание с распахнутыми окнами. Оттуда доносился стук инструмента. Карл задержал на нём взгляд: в отличие от палат, мастерская казалась местом, где день хотя бы имел понятный смысл.

Эльза шла рядом, касаясь тростью края дорожки. На его вопрос, все ли здесь работают, она ответила, что работают те, кому позволяют. Когда группа оторвалась на несколько шагов, девочка попыталась нагнать остальных; левая нога плохо переносила спешку. Носок ботинка зацепился за выступивший камень, и Карл машинально протянул руку. Эльза отстранилась так резко, что едва не потеряла равновесие вторично.

— Если упаду, тогда помогай. Раньше не надо.

Карл убрал руку. Ему хотелось объяснить, что он просто не желал видеть, как она ударится о дорожку, но по её лицу понял: речь была не о его намерениях. Она уже много раз наблюдала, как люди сперва подают руку, затем начинают открывать двери без спроса, а после решают, что ей нельзя доверить даже ложку. Через несколько шагов Карл подстроился под её темп. Эльза заметила это, но ничего не сказала. Дорога была достаточно широкой, чтобы им идти рядом, не изображая помощи.

Она находилась в лечебнице семь месяцев. Карл попытался представить семь месяцев без школьного двора, без кухни по утрам, без возможности самому решить, когда идти домой. Эльза рассказала, что её привезли для обследования и упражнений, которые должны облегчить спастику. Срок не назвали; на письма родителей отвечали, что лечение продолжается. Она говорила об этом ровно, но кончик трости всё чаще скользил по мокрому краю дорожки. Карл не стал спрашивать, надеется ли она вернуться. Он уже знал ответ — по тому, как она произнесла слово «родители».

Пауль тем временем выбежал на газон вопреки окрику сестры. Он отыскал крупный блестящий каштан, вытер о рукав и вернулся к группе. Оказалось, что взять его нужно не для игры и даже не для коллекции: мальчик собирался сохранить плод «потом». Эльза усмехнулась, но Карл не поддержал шутку. Он прислушивался к этому слову. У Пауля всё важное происходило

потом: возвращение к матери, собственная комната, вещи, которые он оставлял на хранение. Никто не называл даты.

* * *

Во время обхода Карл впервые увидел Фогеля не за столом, а возле больничных кроватей. Молодой врач двигался быстро, но не торопил пациентов с ответами; за ним шла сестра с журналом. Паулю проверили сон, аппетит и привычные утренние дела. На вопрос, справился ли он сам в уборной, мальчик искренне удивился: с кем же ещё ему туда ходить? Сестра улыбнулась, но отвернулась прежде, чем он заметил. Фогель сделал короткую запись и перешёл к Эриху.

Для разговора врач встал лицом к окну, чтобы свет падал на его губы. Эрих сообщил, что слышит по-прежнему плохо. Слуховой аппарат усиливал общий шум, а слова понятнее не становились. Обещание повторить обследование он выслушал без доверия: то же обещали ещё на прошлой неделе. Фогель задержал ручку над журналом и повторил, что на этот раз проверку проведут. Карл смотрел на его лицо, пытаясь понять, обиделся ли он на напоминание. Врач не обиделся, но перевернул страницу несколько резче.

Эльзу попросили пройти от кровати до окна и обратно. Она взяла трость, проверила, плотно ли стоит резиновый наконечник, и только потом двинулась. Фогель наблюдал за ходьбой, осмотрел левую руку и спросил о ночных спазмах. Девочка ответила, что спазмы бывают, но считать их каждый вечер у неё нет ни времени, ни желания. Врач в шутку пообещал отметить сохранную склонность к спору; Эльза рассмеялась, а Карл вдруг увидел, что они знакомы давно и успели выработать собственный способ разговаривать без лишней жалости.

Когда дошла очередь до него, привычная уверенность исчезла. Ночью он плохо спал: в соседнем корпусе кто-то кричал, но жаловаться на незнакомого человека казалось неправильным. Карл сказал лишь, что всё вокруг непривычно. Фогель осмотрел его, уточнил, не было ли предчувствия приступа, проверил зрачки и назначил анализ крови. Затем добавил, что завтра посмотрит, как он осваивается.

— Взрослые говорят «посмотрим», когда не хотят отвечать, — заметил Карл.

Фогель не стал оправдываться. Иногда, ответил он, сначала действительно нужно посмотреть. Карл кивнул. Этот врач ему нравился: хотя бы потому, что умел признать ограниченность собственного знания. Доверять ему целиком Карл пока не собирался.

* * *

После обхода палата опустела. Эльзу увели на занятия, Эриха — к специалисту, молчаливого рыжего мальчика — на процедуры. Пауль устроился в общей комнате, а Карлу велели ждать. Он раскрыл книгу, привезённую из дома, но каждый раз возвращался взглядом к шестой кровати. Слово «перевели» казалось безобидным: отца переводили из одной мастерской в другую, школьников — в следующий класс, поезда — на соседний путь. Здесь же оно звучало так, будто у глагола отняли окончание и не разрешали узнать, что произошло дальше.

Эльза вернулась усталая. Её заставляли складывать кубики и выполнять упражнения на внимание, хотя она отлично понимала, чего от неё добиваются. Снимая ботинок, она несколько раз безуспешно подцепляла тугой шнурок. Карл хотел помочь, но вспомнил утреннюю дорожку и остался на месте. Лишь когда девочка отложила ботинок и потерла больную ногу, он спросил о Вальтере.

Эльза рассказала не диагноз, а то, что помнила сама. Вальтеру было семнадцать; он работал в саду, хорошо рисовал лошадей, временами боялся людей и мог несколько дней разговаривать с самим собой. Ранним утром его подняли, велели одеться и взять немного вещей. Остальным приказали не вставать. Санитар принёс список; на вопрос Вальтера, куда он едет и где получит одежду, ответил, что всё необходимое выдадут на новом месте. С тех пор писем не приходило. Карл слушал, представляя мальчика, который ещё вчера мог сидеть возле окна и рисовать лошадь, а сегодня исчез так, словно его кровать никогда никому не принадлежала.

— Ты думаешь, он умер? — спросил Карл.

Эльза резко подняла голову. Она не утверждала ничего подобного и не хотела, чтобы чужая догадка превращалась в её слова. Карл понял это, но всё же ждал утешительного «нет». Девочка снова взялась за шнурок. Сведения о переводе у неё были; о дальнейшей судьбе — никаких. Впервые Карл почувствовал, что молчание может быть не попыткой скрыть правду, а единственной возможностью не солгать.

* * *

После обеда наступил час тишины. Пауль уснул почти сразу, подвернув одеяло под подбородок. Эрих лежал с закрытыми глазами; Карл видел по напряжённым пальцам, что тот не спит. Эльза читала, придерживая страницу большим пальцем. В коридоре задержались двое сотрудников. Через неплотно закрытую дверь донеслись обрывки: «пять с третьего», «завтра утром», «список у старшей». Потом голоса удалились, и остался только скрип тележки.

Карл приподнялся на локте. Ему захотелось сейчас же выйти и выяснить, кого считают, почему именно пятерых и что ожидает их утром. Эльза слышала тот же разговор, но продолжала читать. Когда Карл потребовал объяснений, она сказала, что не знает. Он раздражённо отвернулся к стене. Было невыносимо, что можно произнести три короткие фразы за дверью и тем самым испортить людям целый день, не объяснив им ничего. Некоторое время слышно было, как Эльза переворачивает страницы. Затем она закрыла книгу и напомнила, что Карл находится здесь всего второй день. Он ещё не привык к тому, как легко чужие списки входят в обычную жизнь. И ей хотелось, чтобы не привыкал как можно дольше.

* * *

К вечеру их пустили в общую комнату. Старое пианино стояло с запертой крышкой, на шкафу пылились книги, а вокруг большого стола оставались следы когда-то пролитых чернил. Пауль рисовал цветными карандашами дом: красная крыша, зелёное дерево, женщина возле двери. Себя он поместил в окно. Карл спросил, почему мальчик стоит отдельно от матери, и услышал спокойное объяснение: сейчас он здесь, а рядом с ней будет потом. На рисунке дым уже выходил из трубы, хотя Пауль никак не мог решить, какого цвета сделать небо.

У окна сидел Эрих. В тетради рядом со словами были нарисованы дверь, ключ, поезд и женское лицо. Карл поначалу решил, что тот учится писать, но Эрих показал на ухо и пояснил: незнакомые слова он нередко слышит как бессмысленный шум; когда запишет их и увидит образ, запоминает лучше. На странице оставалось место. Карл взял протянутый карандаш, вывел «часы» и нарисовал круг со стрелками. Эрих прочитал слово, внимательно рассмотрел рисунок и спросил, где настоящие часы. Они остались у отца — Карл боялся потерять их в лечебнице. Эрих кивнул, как человек, который понимает цену небольшой вещи, привезённой из дома.

На соседней полке стояла коробка с огрызками цветных карандашей. Пауль перебрал их и долго выбирал коричневый для дверной рамы на рисунке. Он всякий раз брал новый цвет, примерял к бумаге и возвращал обратно. Карл предложил нарисовать раму простым карандашом, но мальчик возразил, что дома она была именно коричневая. Он ещё помнил, как по весне отец перекрашивал дверь и велел не прикасаться к ней, пока краска не высохнет. Мальчик рассказывал об этом без печали, так обстоятельно, словно отец сейчас работал за стеной.

Эрих следил за губами Пауля. Когда тот отвернулся к коробке, Эрих потерял нить рассказа и не стал требовать повторения. Карл заметил это и сам попросил Пауля показать, какой дверной косяк он имеет в виду. Мальчик с удовольствием нарисовал ещё одну прямоугольную линию, не понимая, зачем Карлу подробности. Эрих посмотрел на рисунок и кивнул. От такого простого посредничества между двумя друзьями Карлу стало неожиданно хорошо; он впервые помог Эриху не от имени врача и не из жалости, а потому, что хотел сохранить для него чужой разговор.

Долгое время они сидели рядом. Пауль добавлял дым к своей трубе, Эльза устроилась с книгой, а Карл разглядывал чужую тетрадь и старался представить, как выглядит мир, если

многие слова сначала приходится искать глазами. Потом Эрих спросил, когда он уедет домой. Карл не нашёл ответа. В коридоре снова звякнули ключи. В разных углах комнаты четверо детей занимались каждый своим делом, и всё же каждому было важно одно и то же — чтобы однажды снова появилась возможность самому закрыть за собой дверь.

* * *

Перед сном сестра раздала лекарства: Паулю одну таблетку, Эльзе две, Эриху одну. Карлу ничего не досталось — назначения должны были уточнить после обследования. Он проводил глазами маленькие металлические чашечки и впервые задумался, сколько всего уже знают о его соседях люди, входящие с ключами. Сами соседи проглатывали таблетки по-разному: Пауль сразу, Эрих после короткого взгляда на сестру, Эльза — осторожно, запивая несколькими глотками.

В девять погасили верхний свет. Пауль долго ворочался и наконец шёпотом спросил Карла, скоро ли тот уедет домой. Карл не знал. Он сказал «наверное» и сам услышал, как ненадёжно прозвучало слово. Тогда Пауль спросил о себе. В темноте Карл различал только светлое пятно его лица.

— Не знаю, Пауль.

Из соседней кровати Эльза проворчала, что дни лучше не считать, особенно вслух после отбоя. Пауль тихо захихикал и затих. Карл лежал с открытыми глазами; через некоторое время ему удалось услышать за стеной знакомый звон ключей, затем голоса, шаги нескольких человек и глухой удар металла о дверной косяк. Он сел, ожидая, что кто-нибудь объяснит, что происходит. Эльза негромко попросила лечь. Она тоже не знала, кому открывали соседнюю палату, но голос её был усталым, а не испуганным. Для неё такой звук уже стал частью ночи.

Карл снова лёг и попытался представить дом. Отец, наверное, проверил часы, а мать — хотя дома он сейчас отсутствовал — всё равно заглянула в его комнату и поправила покрывало. За дверью закрыли замок. Карл повернулся лицом к стене. Здесь ночь наступала не тогда, когда все засыпали, а когда кто-то запирал двери.

Глава 3. Полезный

За четыре дня Карл научился различать сестёр по шагам и знал, где в коридоре скрипит половица. Он вставал прежде, чем звенели ключи, не задерживал очередь у умывальника и почти перестал спрашивать Пауля, зачем тот строит из коробков и каштанов странные сооружения. Всё это называлось привыканием. Но к самому важному привыкнуть не удавалось: обследование, ради которого его привезли, оказалось чередой самых обыкновенных процедур. У него взяли кровь, проверили зрение, попросили пройти по коридору с закрытыми глазами. Он надеялся на приборы, которые позволят врачам увидеть, почему у него иногда гаснет сознание. Вместо этого слышал одно и то же: приступов пока нет, будем наблюдать.

Отсутствие приступов радовало Карла и тревожило. Он хотел доказать, что почти здоров, но как тогда врачи узнают, что с ним происходит? На четвёртое утро сестра велела ему остаться в палате. Эльза, проходя мимо на занятия, заметила, что неизвестность всегда хуже наказания, и ушла с таким видом, словно оставила ему полезный совет. Карл ждал, разглядывая светлую полосу на полу. Через несколько минут появился широкоплечий мужчина с седеющими волосами и тяжёлыми ладонями. Он назвался Мюллером и велел следовать за ним.

— Куда?

— Работать.

Карл поднялся так быстро, что стул ударился о кровать. Он переспросил, действительно ли его собираются допустить к работе, и принялся выяснять, в какой именно мастерской. Мюллер шёл по коридору, не замедляя шага, и отвечал своим обычным «увидишь». Карл не выдержал: в лечебнице все говорят «посмотрим», «пока» и «увидишь», словно других слов не существует. На лице Мюллера дрогнула улыбка. В мастерской, заверил он, разговаривают гораздо меньше.

* * *

В хозяйственном корпусе пахло машинным маслом, древесной пылью и железом. Карл остановился у порога. Такой запах приносил домой отец, и мать всегда просила его снимать рабочую куртку в прихожей. Вдоль стен тянулись верстаки; над каждым инструментом было отведено место. Двое мужчин строгали доски, пожилой пациент у окна сортировал гайки, другой протирал металлические части старого механизма. Здесь Карлу стало спокойнее. В отличие от больничных формуляров, железо не требовало угадывать смысл. Если винт не держится — сорвана резьба. Если сломалась пружина — нужно искать подходящую замену.

Мюллер поставил перед ним две коробки со смешанными винтами, гайками, шайбами и пластинами. Карл возмутился: такую работу мог выполнить любой, он умеет больше. Мюллер предложил сперва показать, что он способен хорошо сделать простое. Спорить пришлось бы дольше, чем работать. Карл сел и занялся сортировкой. Постепенно раздражение прошло. Он разделил детали по виду и размеру, разложил винты группами по восемь, а самые короткие отнёс в отдельную коробку, чтобы потом не пересчитывать.

Минут через десять Мюллер вернулся и спросил, сколько винтов осталось на столе. Карл ответил: тридцать два. Мужчина проверил счёт и обнаружил четыре аккуратные группы по восемь. Он ничего не сказал, зато принёс новую коробку. Карл сдержал улыбку, которую собирался показать ему. Лишь когда Мюллер отвернулся, позволил себе несколько секунд постоять у верстака без дела. Это была первая похвала, не произнесённая вслух, которую он получил в Гёрдене.

Мюллер принёс металлический поднос с несколькими найденными в мусоре деталями и попросил определить, что из них ещё можно использовать. Карл выбирал уверенно. Не всякая заржавленная шайба была испорчена; некоторые достаточно было очистить. Зато один на вид отличный винт имел почти незаметную трещину у головки. Карл положил его отдельно. Мюллер поднял, рассмотрел на свету и впервые начал спрашивать не о количестве сделанного, а о причине каждого решения. Мальчик отвечал охотно, хотя заметил, что мастер нарочно выбирает самые неприглядные вещи.

Вдруг из соседней части мастерской донёсся звон. Ученик постарше уронил коробку с маленькими гайками. Они покатились под верстаки, и мужчина, работавший рядом, рассердился: часть гаек ему требовалась для работы. Юноша застыл, прислонившись к столу. Карл уже собирался сказать, что тот просто неаккуратен, но Мюллер опустился на колено и спокойно попросил принести совок. Через несколько минут все втроём собирали разлетевшиеся детали. Злой мужчина наконец перестал ворчать и тоже нагнулся, хотя ему было трудно разогнуть спину.

Вернувшись к своему месту, Карл спросил, почему Мюллер не сделал выговор. Мастер ответил, что выговор не вернул бы гайки на стол. Карл хотел возразить: в школе за такие вещи непременно ругали. Но руки, ещё пахнувшие пылью под верстаком, подсказали ему, что работа здесь действительно устроена иначе. Он осторожнее подвинул к середине стола собственную коробку и продолжил разбирать винты. Мюллер заметил это движение, но не сказал ничего.

* * *

За соседний стол привели взрослого пациента. Лицо у мужчины было гладкое, почти юное, а движения — медленные и старческие. Ему дали тряпки и показали, как складывать их пополам. Он старательно сложил одну, другую, третью уронил, поднял, затем вновь стал складывать уже сложенное. Санитар расправил ткань и повторил движение. Мужчина кивнул, но вскоре сбился снова.

Карл смотрел дольше, чем следовало. Мюллер окликнул его и указал на собственный стол. Мальчик покраснел. Ему было стыдно не за любопытство само по себе, а за мелькнувшее удовлетворение: вот он-то справляется. В школе таким образом измеряли всё — кто быстрее пишет, выше прыгает, лучше решает. Здесь чужая неудача не могла стать его победой. Муж-

чина продолжал складывать тряпки, не замечая взгляда Карла, а тот вернулся к винтам. Он решил, что в следующий раз постарается увидеть в соседнем пациенте не задание, с которым тот не справился, а человека, который целое утро продолжал пытаться.

* * *

После перерыва Мюллер принёс разболтанную дверную ручку. Карл подержал её в ладонях и сразу заметил повреждённый винт: затянуть его было нельзя, резьба уже сорвалась. Он снял пластину, прочистил отверстие, подобрал новый винт и укрепил крепление. Движения вспомнились сами. Отец всегда запрещал давить на отвёртку изо всех сил: сперва нужно понять, куда должен идти металл, потом поворачивать. Карл работал не спеша, будто отец стоял у него за плечом.

Когда ручка перестала болтаться, Мюллер несколько раз проверил её и коротко похвалил мальчика. Затем, уже рассматривая новую деталь, произнёс слово «пригодный». Карл улыбнулся. Дома и в школе после первых приступов он чаще слышал другие слова: осторожнее, нельзя, не ходи один, не закрывай дверь ванной. Два одноклассника целую неделю провожали его с занятий, глядя по дороге так, будто ждали следующего припадка. Здесь же взрослый человек оценил результат его работы, а не опасность, которую он представлял для себя и окружающих.

— Ещё ручки есть? — спросил Карл.

Мюллер помедлил, затем принёс четыре. Слово продолжало звучать у Карла в голове, но теперь им можно было не только гордиться. Его следовало оправдать делом.

* * *

К обеду Карл успел починить пять ручек. Шестую разобрал и отложил: втулка была негодна, замену нужно было подобрать отдельно. Мюллер проверил и подтвердил его вывод. После такой короткой похвалы суп в столовой оказался неожиданно терпимым. Пауль требовал рассказать обо всём подробно и особенно хотел знать, можно ли научить его чинить ручки. Карл сперва отмахнулся шуткой про ручки у супа, но Пауль принял её буквально и принялся искать на миске то, чего там быть не могло.

— Если покажут, я тоже смогу, — сказал он наконец о настоящих замках.

Карл уже собирался возразить. Но утром Мюллер точно так же сомневался в его собственных умениях. Он посмотрел на руки Пауля, осторожно державшие ложку, и сказал, что однажды, возможно, тот попробует. Пауль довольно кивнул, как будто вопрос был решён.

Эльза ела привычно медленно, деля хлеб на маленькие кусочки. Карл признался, что работа ему понравилась. Она предупредила: чем сильнее будешь ждать мастерскую, тем труднее станет, когда однажды не пустят. Карл хотел поспорить, но не нашёл причины, по которой его могли бы отстранить, кроме самого очевидного страха. В конце концов Эльза перевела разговор на неудачный суп, и Пауль рассмеялся так громко, что сестра обернулась. Несколько минут они были просто детьми за обеденным столом.

* * *

После обеда Фогель вызвал Карла и сообщил, что Мюллер доволен его работой. Карл не смог скрыть удовольствия. Затем началась проверка: руки вперёд, пальцы развести, прикоснуться к носу с открытыми и закрытыми глазами. Врач следил за координацией, спрашивал о головокружении, усталости, ощущениях перед приступом. Карл выполнял задания внимательно: теперь он понимал, что от этих движений тоже зависит право вернуться к инструментам.

Фогель объяснил, что работа позволяет судить не только о том, крепко ли человек держит отвёртку. Врачу важно знать, может ли пациент сосредоточиться, запомнить последовательность действий и обслуживать себя без постоянной помощи. Карл возразил, что приступы от этого не исчезнут. Фогель согласился, но добавил: человек не состоит из одних приступов.

— Вот это можете записать, — сказал Карл.

Врач улыбнулся и всё же продолжил делать запись по-своему. Мальчик попытался подсмотреть за пером, не сумел и вышел из кабинета с неприятным ощущением: хорошие слова тоже оставались собственностью тех, кто их записывал.

* * *

На следующий день Мюллер принёс коробку старых замков. Один заедал, в другом лопнула пружина, у третьего вовсе не поворачивался ключ. Карл разложил детали в том порядке, в котором собирался вернуть их на место, и принялся работать. Он почти успел забыть о лечебнице, когда к верстаку подошёл незнакомый врач с высоким лбом и тонкими губами.

Мужчина расспрашивал Мюллера о новом пациенте, не обращаясь к самому Карлу. Услышав «эпилепсия», уточнил частоту приступов и уровень интеллекта. Мюллер ответил коротко: в мастерской мальчик справляется. Врач проверил починенный замок, спросил, кто научил Карла обращаться с инструментами, и выслушал рассказ об отце-механике. После этого произнёс то же слово, которым накануне похвалил Карла Мюллер:

— Пригодный.

Теперь оно прозвучало не как одобрение мастерства, а как отметка в невидимой графе. Карл не сразу взял следующую деталь. Ему хотелось узнать имя врача и понять, на основании какого осмотра тот сделал заключение. Мюллер не поддержал расспросов и вернулся к своему столу. Карл затянул винт слишком сильно; пришлось ослабить и начать снова.

* * *

К концу смены у окна разговаривали двое сотрудников. Они сверяли список инструментов и между делом обсуждали, почему из второго корпуса перестали приводить часть пациентов. Один заметил, что там почти некому работать; другой сказал, что работоспособные обычно остаются дольше. Разговор продолжался всего несколько секунд. Карл не понял, что означало «остаются», но это слово отложилось крепче любого медицинского определения.

За соседним столом пустовал табурет мужчины, складывавшего вчера тряпки. Мюллер не знал или не хотел говорить, где находится Шнайдер. Возможно, тот остался в отделении, возможно, его вообще перевели на другую работу. Карл видел, как санитар перестал искать слова и стал разбирать инструменты чуть резче, чем обычно. Он всё же спросил, почему взрослые сами решают, о чём пациентам полезно знать. Мюллер ответил, что для этого мальчик и находится в лечебнице. Карл почувствовал прежнюю злость: поступив сюда, он не перестал быть собой.

Мюллер не нашёл, что ответить. В течение всей смены Карл работал особенно аккуратно. На чужие разговоры он больше не оглядывался, но пустой табурет оставался в поле зрения. Впервые его собственная старательность показалась ему чем-то большим, чем желание заслужить похвалу.

Перед уходом Мюллер отправил Карла отнести исправленные ручки в хозяйственную кладовую. Туда вёл коридор, которым мальчик ещё не ходил. В стенах были вырублены узкие окна; свет падал полосами, и между ними лежали тёмные участки пола. Навстречу прошла женщина с корзиной белья, посторонилась, но не подняла головы. Карл заметил на её рукаве маленький аккуратно зашитый разрыв. Мать всегда говорила, что по починке вещей можно узнать, насколько долго человек собирается ими пользоваться.

У дверей кладовой ему пришлось ждать. Дежурный переписывал номера с металлических бирок, не обращая внимания на стоящего рядом подростка. На столе лежала ещё одна связка бирок и стопка узких карточек. Карл решил не читать чужие фамилии; после последних разговоров любое случайно подсмотренное слово могло испортить весь вечер. Он стоял и смотрел, как дежурный аккуратно разделяет карандашом цифры. Наконец тот отложил журнал, пересчитал ручки и спросил, сколько их было. Карл ответил без запинки. На этот раз его число полностью совпало с документом, и дежурный безразлично кивнул.

Обратно Карл шёл быстрее. Ему впервые захотелось рассказать отцу не только об удачных замках, но и о том, как здесь всё устроено: два соседних помещения, один и тот же вид работы, но в первом тебя замечают, а во втором принимают вместе с предметами по ведомости. За дверью мастерской Мюллер уже убирал инструменты. Он лишь проверил, вернулся ли Карл вовремя, и кивнул ему на умывальник. В разговоре, которого не случилось, осталось больше, чем Карл смог бы написать в обычном письме.

* * *

На третий день работы запах масла внезапно изменился. Поверх привычной древесной пыли возник сухой металлический дух, будто железную проволоку положили на раскалённую плиту. Карл замер над маленьким замком. Этот запах не исходил от верстака: он возникал у него внутри и иногда предшествовал провалу сознания. Он осторожно положил отвёртку, чтобы по дрожащим пальцам никто ничего не заметил. В памяти всплыла услышанная вчера фраза: работоспособные остаются дольше.

Мюллер окликнул его от соседнего стола, заметив белое лицо. Карл сказал, что душно. В мастерской было холодно, и объяснение прозвучало нелепо. Мужчина подошёл, внимательно посмотрел на руки и спросил, не было ли ауры. Карл слишком быстро ответил отрицательно. Он сидел неподвижно, ожидая, когда запах исчезнет или мир начнёт проваливаться; Мюллер не прикасался к нему, но и не отходил. Через минуту снова пахло только маслом и деревом.

— Ты мне соврал, — сказал Мюллер.

Карл возразил, что не был уверен. Мюллер объяснил, чем опасен приступ над разобранным механизмом: он не собирался собирать мальчика с пола вместе с пружинами. От неуклюжей шутки Карл впервые за эту минуту смог улыбнуться. Но санитар говорил серьёзно. Одна аура не означала немедленного отстранения; скрытая аура означала потерю доверия. Если подобное повторится, Карл должен сразу сказать. Мюллер пообещал не забирать у него работу за одно слово, но предупредил, что ложь в мастерской терпеть не станет. Карл тоже пообещал говорить правду. В тот день приступ не последовал. И всё же за стол он вернулся уже с другим ощущением: место, где он чувствовал себя свободным, можно было потерять.

* * *

Вечером Эльза долго массировала левую икру. Пальцы ноги снова сводило, и ей приходилось осторожно разгибать их рукой. Карл сел рядом, рассказал о мастерской и дважды повторённом слове «пригодный». После похвалы Мюллера он чувствовал радость, после оценки незнакомого врача — тревогу, хотя прозвучало одно и то же. Эльза выслушала его, прежде чем ответить.

По её словам, в лечебнице всё время кого-то разделяют: умеющих ходить и лежачих, самостоятельных и нуждающихся в помощи, способных трудиться и нет. Врачам действительно нужны сведения, но Эльза хотела бы понимать, для чего используется каждая новая граница. Карл упрекнул её в желании повсюду искать скрытый смысл. Девочка натянула носок на больную ногу и заметила, что он, наоборот, очень хотел бы такого смысла не видеть.

На полу между кроватями Пауль строил башню из коробков. Услышав повышенные голоса, он спросил, не ссорятся ли они. Оба ответили «нет» одновременно. Мальчик удовлетворённо вернулся к своему сооружению. Эльза улыбнулась, но Карл уже не смог так легко рассмеяться: Пауль принял слово за доказательство, а он сам весь день делал почти то же самое.

* * *

Перед сном Карлу впервые принесли белую таблетку в металлической чашечке. Он спросил название и возможные побочные действия. Сестра удивилась такой осведомлённости пятнадцатилетнего пациента, но объяснила, что лекарство может вызвать сонливость. Карл проглотил таблетку и запил водой. Через полчаса страницы книги начали расплываться перед глазами.

Он лежал, не поднимая рук с одеяла, и вспоминал пустой табурет Шнайдера, короткую похвалу Мюллера и сухое замечание врача. Пригодный. Полезный. Работоспособный. Одно слово имело две интонации — человеческую и служебную; Карл не умел различать их заранее. Завтра ему хотелось работать лучше, чтобы снова чувствовать в руках вес отвёртки. Но где-то глубже уже сидела другая причина, которую он не собирался признавать даже перед собой: на всякий случай.

Глава 4. Анкета

После обеда доктор Фогель увидел на столе старшего врача стопку новых формуляров. Серую бумагу стягивала бечёвка; на верхнем листе оставалось столько пустого места, что он сперва принял его за сопроводительный бланк. Но под служебным штампом шли графы: диагноз, длительность пребывания, трудоспособность, потребность в уходе. О привычных подробностях истории болезни — когда человеку стало хуже, что помогает ему переносить приступ, как он реагирует на лечение — не спрашивали. Фогель перевернул лист. Оборот был почти пуст.

Старший врач продолжал подписывать карты. Он сообщил, что новые анкеты нужны для централизованного учёта, в том числе для возможных переводов пациентов. Решения, по его словам, принимали не здесь; спрашивать о назначении транспорта не имело смысла. Слова произносились между двумя росчерками пера. Фогель заметил на краю стола стакан с остывшим чаем и круглое пятно, оставленное прежней чашкой. Комната выглядела так, будто здесь решали вопрос о выдаче полотенец, а не о судьбах людей.

Перед возвращением в свой кабинет Фогель задержался у окна. На дорожке перед корпусом санитар помогал пожилому пациенту донести узел с бельём. Старик всё время оглядывался, словно потерял кого-то из сопровождающих. Фогель видел этого человека утром на обходе: тот помнил названия городов, где когда-то работал, но не мог назвать сегодняшний день. На анкете для подобной памяти не предусматривалось отдельной строки. Доктор попытался вспомнить, сколько минут разговаривал с ним во время осмотра, и понял, что меньше пяти. Он укорял себя в том, что не знает собственных пациентов достаточно хорошо, но новая бумага требовала ещё меньше знания, а не больше.

— Для тех, кто будет читать анкеты, истории болезни не понадобятся? — спросил он.

Старший врач отложил перо и подвинул к нему пять карт. Среди фамилий были Крюгер, Ланге и Бергер. Вебера не оказалось. Фогель на мгновение испытал облегчение, а затем ему стало стыдно: он не знал, что означало присутствие или отсутствие имени в этой стопке. Ему велели закончить к завтрашнему утру, пользуясь прежними записями и не затевая новых обследований. Некоторые заключения устарели, но времени на уточнения не давали.

— Заполняйте так, чтобы в центральной службе не пришлось читать подробности, — сказал старший врач.

Фогель унёс папки к себе. От бечёвки на верхней карте остался продавленный след. Он расправил угол и только потом открыл дело Пауля.

* * *

В тот же день Карла вызвали в административную комнату. У окна сидела незнакомая женщина в сером платье и белом халате. На её столе не было лекарств и медицинских приборов: только картотеки, чернильница, линейка и листы, уложенные в две аккуратные стопки. Карл сел напротив и сразу увидел на обложке раскрытой папки собственную фамилию. Женщина тем не менее попросила назвать имя, дату и место рождения.

Она говорила быстро, почти не глядя на него. Карл рассказал об отце-механике, о матери, о школе и восьми оконченных классах. Женщина спросила, умеет ли он читать, писать и считать. Он ответил сначала серьёзно, потом с раздражением. Из-за стола тянуло холодом: окно было плохо закрыто, и при каждом порыве ветра лежавший у чернильницы лист чуть поднимался. Женщина придерживала его ладонью и продолжала заполнять клетки. Карлу захотелось

спросить, понимает ли она, что всё уже есть в его истории болезни, но он видел, что вопрос ничего не изменит.

Потом начался опрос о повседневных действиях. Сам ли он одевается, умывается, ест, пользуется уборной; требуется ли постоянный присмотр. Карл чувствовал себя всё меньше, как будто пятнадцать лет, проведённые вне лечебницы, исчезли после нескольких отметок. Он попытался объяснить, что во время приступа бывает без сознания, но вне приступов обходится без помощи. Женщина велела отвечать коротко и отметила что-то в графе о надзоре. Карл не увидел, какие именно слова она выбрала.

В комнате слышалось, как в соседнем кабинете передвигают стул и кашляет ожидающий пациент. Карл вспомнил школьный журнал: учитель иногда вызывал его к доске, ставил оценку и переходил к следующему, но там хотя бы было понятно, какую задачу нужно решить. Здесь не было задачи. Ни один ответ не мог оказаться по-настоящему хорошим, поскольку женщина не интересовалась тем, что стоит за ним. Спросив о способности одеваться, она не спросила, как Карл после приступа находит пуговицы на рубашке, когда пальцы ещё не вполне слушаются. Он уже приготовился рассказать, но увидел новую отметку и промолчал.

За окном санитар вёз тележку с бельём. За ним шёл пациент и вслух считал ступеньки крыльца. Карл следил за ними, пока женщина спрашивала о приступах, возбуждении и поведении после них. Он не всегда мог вспомнить, что делал сразу после потери сознания, и потому несколько раз сказал «не знаю». Эти слова прозвучали так, словно он признавался в чём-то постыдном.

Когда речь зашла о работе, Карл повернулся к столу. Он рассказал о мастерской, замках, дверных ручках и деталях часов, которые научился различать на ощупь. Он хотел подробно объяснить, какие неисправности уже умеет находить сам, но женщина спросила только, сколько часов он работает и устаёт ли. После его ответа на листе появилось слово «работоспособен». Карл успел прочитать его, прежде чем женщина закрыла страницу. Против воли он почувствовал облегчение.

— Можно посмотреть, что вы записали? — спросил он.

— Это служебный документ.

Вопрос о семье заставил его представить кухню дома — не как приятное воспоминание, а почти болезненно точно. Мать всегда ставила хлебницу ближе к стене, потому что отец задевал её локтем, когда читал газету. Отец подолгу не мог найти ключи, хотя каждый вечер собирался класть их на одно место. Карл никогда не считал эти мелочи сведениями о родителях; из них просто состоял дом. Теперь он с неприятным удивлением понял, что чужая рука может превратить разговор о матери в одно слово, которое останется в папке, когда сама женщина уже забудет его лицо.

— Но он обо мне.

Женщина не стала спорить. Она перевела палец на следующую строку и спросила о семье. Карл рассказал, что только недавно поступил в лечебницу и ещё не получал писем. Вопросы о родителях становились всё более неприятными. Когда женщина поинтересовалась, не было ли у матери психических заболеваний, Карл резко выпрямился. Ему показалось, что в комнату, где нет ни одного знакомого человека, без спросу привели его мать и заставили оправдываться.

Женщина объяснила, что выполняет предписанный опрос. Карл хотел спросить, кто придумал эти строки, но передумал. Остальные сведения он сообщил без возражений. Когда его отпустили, он задержался у двери: чернильная строка о его способности работать уже лежала в стопке, и женщина называла следующую фамилию. Он вышел с ощущением, будто о нём успели решить что-то важное, даже не узнав ничего существенного.

Вернувшись в палату, Карл не сразу снял куртку. Его раздражали не столько сами вопросы, сколько то, как легко они подменили всю его жизнь: пятнадцать лет, школа, умение есть и одеваться, работоспособность. В анкете не было места тому, что он отличал исправные

часы по звуку, боялся просыпаться после приступа и тайком читал отцовские технические журналы. Эрих заметил его состояние и подвинул к нему тетрадь.

На тумбочке лежала его книга. Карл открыл её посередине, но вместо строк видел кабинет: серое платье, ровные стопки, руку над анкетой. Он подумал, что мог бы расспросить женщину подробнее и, возможно, вывести её из равновесия, однако не был уверен, изменило бы это хоть одну отметку. Эрих привычно постучал карандашом по листу, привлекая его внимание, и Карл впервые за день повернулся к собеседнику так, чтобы тот без труда видел его лицо. Этот простой жест потребовал большей внимательности, чем весь разговор в канцелярии.

Карл пересказал часть опроса, стараясь говорить медленнее, чтобы Эрих видел губы. Тот выслушал без особого удивления: его самого расспрашивали о самых простых действиях. Когда Карл спросил, не злит ли его это, Эрих написал: «Если сердиться на каждый глупый вопрос, сил не останется». Карл усмехнулся, но тотчас посерьёзнел. Он знал, что старые врачи уже приписывали Эриху способности, которых у него никто как следует не проверял.

— Нужно, чтобы Фогель исправил твою карту, — сказал Карл.

Эрих прочёл по губам и нахмурился. Он не нуждался в том, чтобы его защищали вместо него. «Не надо спасать», — произнёс он, а затем дописал в тетради: «Врачу скажу сам». Карл уступил ему место у стола. Некоторое время они сидели рядом молча. Эрих снова раскрыл тетрадь, а Карл поймал себя на том, что впервые хочет знать не только собственную запись в анкете.

* * *

Пауль вернулся с опроса довольный. Ему удалось ответить на все вопросы, а самое главное — рассказать, что он умеет носить бельё. Карл спросил, часто ли тот помогает в хозяйстве. Оказалось, один раз. Для Пауля это ничего не меняло: он действительно нёс бельё и не уронил ни одной простыни. Карл собирался возразить, но по лицу мальчика понял, что тот слышит в сомнении не уточнение, а упрёк.

Эльза сидела у окна, положив книгу на колени. Её вызывали с похожими вопросами ещё несколько месяцев назад; тогда она полагала, что врачи пытаются определить, какая помощь ей требуется. Сейчас она не была уверена, что это единственная причина. Карл посмотрел на трость, прислонённую к кровати: ему вспомнилось, сколько раз Эльзе приходилось объяснять, что она умеет делать сама и что становится опасным лишь тогда, когда её торопят.

Пауль принялся раскладывать каштаны на покрывале по размеру. Один постоянно скатывался к краю; мальчик возвращал его на место и начинал заново. Эльза смотрела на это движение дольше, чем обычно. Карл подумал о том, что сам возражал против анкеты из-за унизительных вопросов, а Пауль радовался возможности назвать хотя бы одно дело, которое выполнил хорошо. Он хотел извиниться за насмешку над бельём, но не сумел подобрать слов, которые не прозвучали бы ещё одним наставлением. Поэтому только придержал каштан, когда тот снова покатился вниз.

— Если неправильно запишут, сестра исправит, — уверенно сказал Пауль.

Карл и Эльза переглянулись. Пауль держал в руке небольшой каштан и, не замечая их растерянности, перекатывал его между пальцами. Мир, в котором взрослый исправляет обнаруженную ошибку, был для него единственно разумным. Карл не нашёл в себе сил разрушить эту уверенность. Он сел на край кровати, и разговор сам собой угас.

* * *

После разговора с Паулем Карл вспомнил, как задержался у административного кабинета, прежде чем вернуться в палату. В коридоре на длинной скамье ждали Эрих, пожилой мужчина из соседнего корпуса и девочка в красной кофте. Та прятала дрожащую правую кисть под левой ладонью. Эрих сидел прямо и следил за дверью. Карл предупредил его: женщина задаёт вопросы слишком быстро и почти не смотрит на собеседника. Эрих кивнул, но ничего

не записал. Он и без того знал, как приходится добиваться, чтобы на тебя смотрели, когда говорят.

Вскоре из кабинета донеслось его раздражённое требование повторить вопрос лицом к нему. Ожидавший рядом мужчина негромко одобрил мальчика. Его самого вызывали уже третий раз за месяц, и он перестал понимать, какие сведения ещё можно получить из одних и тех же ответов. Когда Карл спросил, что именно здесь считают, мужчина пригладил пальцами козырёк кепки и сказал: «Нас, наверное». Эта простая догадка была неприятнее любых объяснений.

За дверью административной комнаты что-то упало, прозвенело и покатилось по полу. Карл вздрогнул от неожиданности. В коридоре пахло мастикой; солнечный свет падал на крашеную скамью, оставляя жёлтую полосу возле ботинок девочки. Эрих вышел, не сразу заметив друга, и направился к окну. В мастерской он обычно двигался уверенно и быстро, узнавая расположение инструментов с первого взгляда. Здесь ему приходилось всматриваться в лица незнакомых людей, угадывать смысл по движению губ, снова просить повторить. Карл вдруг понял, как мало знает об утомлении, от которого нельзя избавиться обычным отдыхом.

Эрих вышел с раскрасневшимися щеками. В карточке он успел увидеть слова «частично работоспособен». Карл пытался его успокоить, но мальчика задевала не осторожность формулировки. Не нравилось, что незнакомая женщина, которая не сумела правильно задать ему вопрос, теперь решала, какая часть его самого «работает». Эрих ушёл к своей кровати, а Карл ещё немного постоял в коридоре, слушая скрип пера за закрытой дверью.

* * *

Фогель перечитал старые заключения и снова почувствовал раздражение. Несколько врачей отмечали «значительное интеллектуальное снижение», но за последнюю неделю он видел другое. Эрих читал. Писал. Считал. Читал по губам и часто понимал разговор лучше тех, кто слышал прекрасно. Он открыл тетрадь обследования слуха. Результаты были неполные. Фогель написал: «частично работоспособен». Потом добавил: «при соответствующем способе общения хорошо обучаем». Посмотрел на строку. Она казалась почти оправданием. Кому он оправдывал Эриха? И от чего? Следующая карта — Эльза Бергер. Четырнадцать лет. Спастический парез слева. Интеллект сохранён. Хороший словарный запас. Чтение соответствует возрасту и выше. Самостоятельна в быту. Передвигается с тростью. В одной записи было: «склонна к возражениям». Фогель усмехнулся. Он написал: «работоспособна для лёгкого труда». Потом: «интеллектуально сохранна». Задержал ручку. Добавил: «способна к дальнейшему обучению».

Фогель заполнил документы Пауля, Эриха и Эльзы, стараясь не повторять механически старые диагнозы. В анкете Пауля он отметил способность выполнять простую работу под наблюдением. Для Эриха указал, что при письменной инструкции и зрительном контакте мальчик хорошо обучается, хотя обследование слуха ещё не завершено. У Эльзы подчеркнул сохранный интеллект и возможность дальнейшего образования. Формы получались длиннее обычного, потому что каждую короткую характеристику он мысленно сверял с человеком, которого видел в палате.

Старший врач застал его над карточкой Эльзы. Прочитав несколько строк, он потребовал убрать подробности: в центральной службе ждут установленную форму, а не педагогический отчёт. Фогель возразил, что прежние записи об Эрихе могут быть ошибочными. В ответ ему велели сначала завершить обследование, а пока пользоваться прежним диагнозом. Это означало отправить дальше слова, в справедливости которых он уже сомневался.

Он задержался на слове «самостоятельна». Эльза однажды потратила несколько минут на то, чтобы поднять с пола книгу, не позволяя санитару сделать это за неё. Врач тогда подумал о ненужном упрямстве. Сейчас вспомнил, как изменилось её лицо, когда книга наконец оказалась у неё в руках. В анкете самостоятельность требовалось обозначить одним знаком, но за этим знаком стояли минуты чужих взглядов, просьбы не вмешиваться, усталость, которую

девочка не показывала. Фогель добавил пояснение, хотя понимал, что это вызовет недовольство старшего врача.

— Точность не равна краткости, — сказал Фогель.

Старший врач не повысил голоса. Он лишь напомнил срок: бумаги должны уйти к утру, а карточку Эльзы разрешается задержать до восьми. После его ухода Фогель долго смотрел на снимок девочки при поступлении. На нём она сидела напряжённо, с гладко зачёсанными волосами и сжатыми губами. На фотографии не было видно ни трости, ни упрямой привычки самой поправлять стул перед беседой. Фогель подвинул анкету ближе к лампе и вновь перечитал каждую строчку. Ему нужно было решить, какие слова он готов подписать своим именем.

* * *

Через два дня Карл снова сидел на скамье административного коридора, ожидая обследования. Дверь канцелярии была приоткрыта. Секретарь на минуту вышла, оставив на столе стопку знакомых анкет. Верхний лист лежал лицевой стороной вниз, и на его обороте Карл увидел штамп: «Берлин». От одной этой надписи ему стало не по себе, хотя он ещё не понимал причины. В Берлине находились учреждения, школы, музеи, большие вокзалы; само название города не могло быть угрозой. И всё-таки было странно думать, что его ответы о родителях, приступах и работе уже отправляются туда, куда он сам никогда не ездил.

Секретарь вернулась прежде, чем он успел рассмотреть подпись. Она закрыла папку и велела не заглядывать в служебные документы. Карл сказал, что просто ждёт врача, но женщина смотрела на него с таким холодным недовольством, будто он совершил проступок. Когда он спросил, зачем анкеты отсылают в Берлин, она ответила: «Вы пациент. Административная переписка вас не касается». Его особенно задело слово «пациент»: словно оно определяло не состояние здоровья, а право задавать вопросы. Карл вернулся на скамью и до самого вызова просидел, глядя на полоску света под дверью.

* * *

Вечером он рассказал Эльзе о берлинском штампе. Девочка предположила, что анкеты, вероятно, отправляют в какое-нибудь управление. Карл и сам понимал это. Его беспокоило другое: зачем людям, которые не видели ни его, ни Пауля, ни Эриха, нужны сведения о том, как они едят, ходят и работают. Он прошёлся по палате, остановился у окна и вдруг заметил, что всё время держит руки сжатыми.

Пауль сидел на полу и раскладывал каштаны. Услышав слова о Берлине, он сказал, что там, наверное, хотят помочь врачам лечить пациентов.

Карл уже открыл рот, чтобы возразить, но увидел, с какой убеждённостью мальчик это произнёс. Эльза опустила взгляд в книгу.

Сказать Паулю, что врачи могут ошибаться, было несложно; объяснить, почему им могут понадобиться эти анкеты, никто из них не умел. Карл посмотрел на пустую кровать Вальтера и впервые задержался на мысли, которую до сих пор отгонял: возможно, вопросы задают вовсе не ради лечения. Доказательств не было. Был только штамп на обороте тонкого листа.

Глава 5. Три знака

В Берлине шёл мелкий дождь. Он почти не был виден, только тротуары темнели, воротники пальто становились влажными, а на полях шляп собирались маленькие капли. Люди входили в здание, стряхивали воду у дверей, показывали пропуска и поднимались по лестнице. На втором этаже в длинной комнате было тепло и сухо. Три стола стояли отдельно друг от друга. На каждом — стопка формуляров, карандаши, ведомость и чашка кофе. У окна секретарь раскладывала папки по учреждениям. В углу тикали часы. Доктор Райнхардт пришёл первым. Он снял пальто, повесил на крючок, подошёл к окну.

— Опять дождь.

Секретарь не подняла головы.

— Осень.

— В Берлине всегда осень.

— Летом вы жаловались на жару.

Райнхардт усмехнулся.

— Вы всё помните.

— Это моя работа.

Через несколько минут появились ещё двое врачей. Один принёс с собой портфель и свежую газету. Второй сразу попросил кофе. Они говорили о вещах, не имевших отношения к папкам: о нехватке бензина, о поездке в университетскую клинику, о сыне одного из коллег, которого призвали. Потом секретарь положила перед каждым первую стопку.

— Сегодня сто двадцать восемь.

Райнхардт поднял брови.

— Всего?

— Пока.

— Тогда к обеду закончим.

Он сел. Работа началась.

* * *

Первый формуляр. Мужчина, пятьдесят четыре года. Диагноз тяжёлый. Одиннадцать лет в учреждении. Трудиться не способен. Родственники почти не посещают. Райнхардт прочитал. Поставил знак. Отложил. Следующий. Женщина, сорок один год. Эпилепсия. Четыре года в лечебнице. Регулярно работает в прачечной. Самостоятельна. Сестра навещает раз в месяц. Он задержал карандаш на секунду дольше. Знак. Следующий. Мужчина, шестьдесят два. Лежачий. Восемь лет в учреждении. Знак. Листы двигались слева направо. Через десять минут фамилии начали терять форму. Райнхардт ловил себя на том, что видит прежде всего графы: диагноз, срок, трудоспособность. Имя становилось чем-то вроде номера дела. Он не считал это жестокостью. Так работала любая большая система. Если каждый раз представлять себе человека целиком — его комнату, семью, привычки, страхи, — невозможно обработать даже десять анкет в день. А их были сотни. Для того и существовал формуляр: отделить существенное от лишнего. Райнхардт думал именно так. Он был врачом достаточно давно, чтобы ценить классификацию. Медицина без классификации превращается в набор впечатлений. Симптомы надо группировать. Болезни — различать. Прогноз — оценивать.

И всё же иногда его раздражало, что здесь классификация была слишком удобной. Он гнал эту мысль. Работа требовала точности, не философии.

* * *

Никто в комнате не произносил слово «смерть». Оно было не нужно. В формах не спрашивали: «Следует ли этому человеку жить?» Не спрашивали: «Что почувствует мать?» Не спрашивали: «Можно ли ещё лечить?» Графы были другими. Диагноз. Срок пребывания. Способность к труду. Поведение. Уход. Посещения родственников. Всё выглядело медицински и административно. Один из врачей справа остановился.

— Посмотрите.

Райнхардт поднял голову. Коллега протянул анкету.

— Девятнадцать лет. Тяжёлый диагноз, но работает в швейной мастерской. Родители посещают.

— И?

— Ничего. Интересно ваше мнение.

Райнхардт прочитал.

— Для чего тогда три эксперта, если мы будем спрашивать друг друга?

— Любопытство не запрещено.

— Пока нет.

Коллега усмехнулся. Райнхардт поставил свой знак и вернул лист, не показывая заранее. Второй врач посмотрел отметку только после того, как сделал собственную. Они совпали.

— Видите.

— Что?

— Система работает.

Райнхардт ничего не ответил.

* * *

Кофе принесли в половине одиннадцатого. К этому времени воздух в комнате был тяжёлый от табачного дыма. Один врач открыл окно. С улицы вошли сырость, шум машин и далёкий трамвайный звон. Райнхардт размял пальцы. На столе лежала очередная анкета. Шестнадцать лет. Он машинально взял, отпил кофе и только потом прочитал возраст ещё раз. Шестнадцать. Фамилия: Эрих Ланге. Тугоухость. В старом диагнозе — предполагаемое интеллектуальное снижение. Самостоятельно обслуживает себя. Частично работоспособен. Райнхардт читал быстрее, чем думал. Внизу была приписка другим почерком: «При соответствующем способе общения хорошо обучаем». Он задержался. Врач напротив заметил.

— Что?

— Ничего.

— Тогда почему не ставите?

— Молодой.

— Возраст?

— Шестнадцать.

— Мы сегодня уже видели моложе.

Это было сказано буднично. Райнхардт снова посмотрел на лист.

— Врач добавил примечание.

— Какое?

Он прочитал. Коллега протянул руку.

— Дайте.

Просмотрел.

— Кто заполнял?

— Фогель.

— Знаете?

— Нет.

— Молодой, наверное. Они любят дописывать.

— Почему?

— Чтобы потом никто не сказал, что они чего-то не заметили.

Анкета вернулась. Райнхардт представил мальчика, который плохо слышит. Не лицо — просто подростковую фигуру. В школе у него был одноклассник с повреждённым слухом после болезни. Мальчик всегда садился впереди и поворачивал голову одним ухом к учителю. Воспоминание было лишним. Райнхардт поставил знак. Лист ушёл дальше.

* * *

Следующая знакомая фамилия была Эльза Бергер. Четырнадцать лет. Райнхардт нахмурился. Он проверил год рождения. Ошибки не было. Спастический парез. Передвигается с тростью. Интеллект сохранён. Школьные знания хорошие. Самостоятельна. Пригодна для лёгкого труда. Способна к дальнейшему обучению. Последняя строка была явно добавлена врачом отдельно. Райнхардт постучал карандашом по столу.

— Опять этот Фогель.

Коллега справа засмеялся.

— У вас уже личные отношения.

— Он пишет больше, чем просят.

— Может, любит пациентов.

Фраза прозвучала как лёгкая ирония. Райнхардт не улыбнулся.

— Врач и должен знать пациента.

— Знать — да. Писать всё — нет.

Райнхардт посмотрел на возраст. Четырнадцать. Он представил собственную дочь, которой было тринадцать. У неё тоже была привычка спорить со взрослыми, когда считала вопрос глупым. Она могла полчаса доказывать учителю, что задача в учебнике сформулирована неправильно. Райнхардт вдруг раздражённо отодвинул чашку.

— Что? — спросил коллега.

— Кофе холодный.

Он поставил знак. Анкета ушла дальше.

* * *

В Гёрдене в это время Эльза действительно спорила. Не с врачом — с Паулем. Он утверждал, что можно определить возраст каштана по размеру.

— Большой старше.

— Нет.

— Почему?

— Потому что размер зависит не от возраста.

— От чего?

Эльза задумалась.

— От дерева. От того, как рос.

— Значит, большой всё равно рос дольше.

— Нет.

— Докажи.

Карл, сидевший у окна с разобранным будильником, сказал:

— Он тебя поймал.

— Никто меня не поймал.

— Ты не знаешь, от чего зависит размер каштана.

— Но знаю, что не от возраста.

Пауль победно поднял самый крупный.

— Старик.

Эрих, писавший в тетради, посмотрел на губы Пауля и спросил:

— Кто?

— Каштан.

Эрих кивнул так серьёзно, будто всё стало ясно. Они смеялись. Их разговор оборвался, когда в коридоре звякнули ключи. Эрих вновь взялся за тетрадь, а Карл задержался у окна.

* * *

Перед самым обедом Райнхардту попалась анкета, к которой по ошибке была подшита копия письма родственников. Обычно такие бумаги до экспертов не доходили. Здесь, видимо, секретарь учреждения вложила весь комплект. Пациент — мужчина двадцати семи лет, несколько лет в лечебнице, приступы, периоды тяжёлого возбуждения, работать способен нерегулярно. Письмо написала мать. Райнхардт сначала собирался отложить его не читая. Потом взгляд зацепился за фразу: «Дома его всё ещё ждёт место в мастерской отца». Он прочёл дальше. Женщина просила сообщить, можно ли забрать сына хотя бы на рождественские дни, писала, что младшая сестра выходит замуж, что дома он всегда был спокойнее, что отец готов следить за лекарствами. Ничего медицински нового. И всё же, когда Райнхардт вернулся к формуляру, слово «работоспособность» вдруг выглядело иначе. Не как абстрактная способность производить труд, а как реальная мастерская, отец, рабочий стол, куда кто-то собирается вернуться. Он раздражённо снял очки.

— Что там? — спросил коллега.

— Письмо попало.

— Родственников?

— Да.

— Не читайте. Только мешает.

— Почему мешает?

Коллега пожал плечами.

— Потому что мы оцениваем медицинские данные, а не семейные чувства. Родственники всегда считают своего больного лучше, чем он есть.

— Не всегда.

— Достаточно часто. Для этого и существует экспертная дистанция.

Райнхардт снова надел очки. «Экспертная дистанция». Хорошая формулировка. Она превращала отсутствие знакомства с человеком в профессиональное преимущество. Он вынул письмо из комплекта и передал секретарю.

— Это не сюда.

Она забрала. Теперь перед ним снова был только формуляр. Работать стало легче. И именно это на секунду испугало. Через несколько листов тревога прошла. Как проходит почти всё, чему не дают времени стать мыслью.

* * *

За кофе разговор впервые коснулся не отдельных анкет, а самой работы.

— В провинции снова заполняют как романы, — сказал врач у окна. — Полстраницы про характер, привычки, мать, любимое занятие. Потом ищи среди этого нужное.

— Молодые врачи, — отозвался второй. — Им кажется, что подробность всегда равна точности.

Райнхардт размешивал сахар.

— А разве нет?

Коллега рассмеялся.

— Вы сегодня философ.

— Просто спрашиваю.

— Точность — это нужная подробность. Всё остальное шум.

Секретарь у шкафа перевязывала просмотренные формы. Она работала здесь достаточно давно, чтобы различать экспертов по следу карандаша: утром знаки были чёткими, после сотого листа становились тяжелее и короче. Райнхардт заметил её взгляд.

— Что?

— Ничего.

— Все сегодня пользуются этим словом.

— Удобное.

Она выровняла стопку ребром о стол. Райнхардт вернулся к формулярам. Через десять минут он снова перестал видеть имена первыми. Глаза сами находили нужные строки. Срок. Диагноз. Труд. Уход. Письмо, случайно попавшее ему до обеда, мешало именно потому, что возвращало фамилии лица, которых для этой процедуры не требовалось представлять. Он поймал себя на том, что намеренно ускорился. Профессиональная дистанция, сказал он себе. Не равнодушие. Просто дистанция. Однако к концу пачки разница между этими словами стала казаться менее очевидной. Перед тем как снова сесть за стол, Райнхардт вышел в коридор. Там на подоконнике стояла пепельница, рядом лежала сегодняшняя газета. Он закурил и попытался прочесть передовицу, но взгляд не удерживался на строках. Из комнаты доносился шелест бумаги. Секретарь уже складывала листы в новые стопки. Райнхардт посмотрел на свои пальцы. На среднем осталась серая полоска от карандаша. Он потёр её большим пальцем, но графит только размазался.

— Доктор? — позвала секретарь. — Мы продолжаем.

— Да.

Он выбросил недокуренную сигарету. У двери задержался на секунду. Не из-за сомнения в процедуре — так он потом будет объяснять себе этот момент. Просто устал. Когда сел, следующая фамилия была уже другой, и работа снова стала простой. После перерыва обработанные листы начали возвращаться. На некоторых стояли одинаковые отметки всех трёх врачей. Такие секретарь откладывала в одну стопку. На других решения расходились. В другую. Иногда требовалось дополнительное заключение.

— Этот куда? — спросила секретарь.

Райнхардт посмотрел.

— Расхождение.

— Два против одного.

— Всё равно отдельно.

Она положила. Один лист соскользнул на пол. Райнхардт наклонился и поднял. На нём стояли три коротких знака. Три движения карандашом. Он посмотрел на фамилию — незнакомая. Мужчина сорока восьми лет. Вернул секретарю.

— Спасибо.

Она положила лист в стопку. Именно в такие моменты Райнхардт особенно ясно чувствовал противоречие, которое старался не формулировать: решение должно быть серьёзным, раз требует трёх экспертов, но каждый эксперт тратит на него иногда меньше минуты. Он успокаивал себя тем, что исходные данные собраны врачами на местах. Он не решает судьбу человека. Он оценивает медицинскую документацию. Формулировка была удобной. Она позволяла закончить рабочий день.

* * *

К четырём часам столы опустели. Сто двадцать восемь формуляров перешли в другие папки. Райнхардт подписал ведомость. Коллега уже надевал пальто.

— В четверг снова?

— Да.

— Говорят, будет вдвое больше.

— Тогда принесите нормальный кофе.

— Это не моя компетенция.

Они улыбнулись. У двери один врач предложил вечером зайти в ресторан. Райнхардт отказался: обещал быть дома. Он спустился по лестнице, надел перчатки и вышел под дождь. Через двадцать минут сидел в трамвае среди людей, которые возвращались с работы. Женщина напротив держала корзину с продуктами. Рядом школьник читал книгу. На следующей остановке вошёл мужчина с букетом. Райнхардт подумал о дочери. Надо купить ей бумагу для рисования. Про Эльзу Бергер он уже почти не помнил.

* * *

Секретарь осталась одна. Ей предстояло проверить количество листов, подписи, учреждения и разложить по дальнейшему движению. Она работала тщательно. Ошибка означала возврат папки и лишнюю переписку. Бергер, Эльза. Три отметки. В соответствующую стопку. Ланге, Эрих. Отметки. Туда же. Крюгер, Пауль. Она прочитала фамилию, проверила дату рождения, переложила. В её голове не возник ни один из них. Это не было равнодушием. Она просто никогда их не видела. Для неё они и существовали только в той форме, которую им придала бумага.

* * *

Несколько дней спустя часть этих листов оказалась в другом кабинете. Там уже не обсуждали диагнозы подробно. Смотрели на экспертные отметки, учреждение, количество пациентов, очередность. Один служащий диктовал фамилии. Другой печатал.

— Бергер, Эльза.

Клавиши ударили по бумаге.

— Ланге, Эрих.

Стук.

— Крюгер, Пауль.

Стук.

— Следующий.

На одном листе отметки расходились.

— Этот отдельно.

Формуляр ушёл в другую стопку. Никто не повышал голос. Никто не спорил о жизни и смерти. В комнате пахло бумагой, лентой пишущей машинки и сигаретами. За окном проехал трамвай.

* * *

В тот же день Карл чинил большие настенные часы из коридора. Мюллер снял их со стены и поставил на стол.

— Справишься?

Карл провёл пальцем по деревянному корпусу.

— Посмотрю.

— Вот и ты начал.

— Что?

— «Посмотрю».

Карл усмехнулся.

— От вас заразился.

Механизм оказался простой, но капризный. Одна шестерёнка цепляла соседнюю. Карл долго искал причину, потом обнаружил, что тонкая пластина немного согнута. Он выправил. Запустил маятник. Тик. Пауза. Тик. Мюллер прислушался.

— Идут.

— Я говорил.

— Пригодный.

На этот раз Карл снова услышал в слове похвалу. Он смотрел на маятник и думал, что, наверное, врачи работают примерно так же. Находят то, что сбилось. Определяют неисправность. Исправляют. Если деталь поставлена неправильно — возвращают на место. Если ослабла — укрепляют.

Он хотел в это верить. Ему было пятнадцать, и мир ещё должен был иметь устройство, которое можно понять, если достаточно внимательно разобрать механизм. Карл снова прислушался к маятнику. Тот шёл ровно. Он ещё мог верить, что у всякой неисправности есть причина, которую достаточно внимательно искать.

Глава 6. Марта

Марту привезли утром, когда Карл был в мастерской. Поэтому впервые он увидел не её саму, а последствия её появления. Пауль стоял у двери палаты, приложив палец к губам с такой важностью, будто внутри происходила операция.

— Что? — спросил Карл.

— Тише.

— Почему?

— Там девочка.

Карл заглянул через его плечо. На свободной кровати у дальней стены сидела маленькая светловолосая девочка. Ноги не доставали до пола. На ней была кофта, явно с чужого плеча: рукава почти закрывали ладони. На коленях лежала тряпичная кукла с вышитыми глазами и криво пришитой косой. Эльза сидела рядом. Она что-то говорила тихо и не тем насмешливым

тоном, которым обычно разговаривала с Карлом. Девочка подняла голову. Лицо было настороженное. Не испуганное — именно настороженное, как у ребёнка, который уже несколько часов слышит от взрослых: «Сейчас», «Потом», «Всё хорошо», но заметил, что никто не объясняет главного.

— Вот Карл, — сказала Эльза.

Карл вошёл.

— Привет.

Девочка прижала куклу к животу.

— Привет.

— Марта, — сказала Эльза. — Марта Нойман.

— А это Пауль, — Карл кивнул на мальчика у двери. — Он уже, наверное, представился десять раз.

— Один, — возмутился Пауль.

— Значит, исправляешься.

Эрих повернулся от окна. Он смотрел на губы девочки.

— Как куклу зовут?

Марта посмотрела на него, потом на куклу.

— Лизель.

— Почему?

Она нахмурилась.

— Потому что её так зовут.

Эрих кивнул.

— Хороший ответ.

На полу возле кровати стоял маленький коричневый чемодан. На ручке — картонная бирка с именем и годом рождения. Карл прочёл. Десять лет.

— Ты сегодня приехала?

Марта кивнула.

— С мамой?

Снова кивок.

— Она где?

— Ушла.

Марта сказала это спокойно, но пальцы сильнее сжали платье куклы.

— Скоро вернётся.

Эльза посмотрела на Карла так, чтобы он не задавал следующий вопрос. Он понял.

— Конечно, — сказал вместо этого.

Марта посмотрела на него пристально.

— Откуда знаете?

Карл растерялся.

— Ну... если сказала.

— Она сказала «скоро».

Девочка произнесла слово так, будто это было время на часах. Пауль оживился:

— «Скоро» может быть завтра.

Эльза бросила на него взгляд.

— А может через час, — поспешно добавил он.

Марта вздохнула.

— Она обещала.

* * *

За обедом стало ясно, что Марта не любит, когда ей помогают. Она держала ложку правой рукой. Пальцы работали не совсем уверенно, и иногда ложка наклонялась раньше, чем доходила до рта. Суп капнул на стол. Сестра подошла с тряпкой.

— Медленнее.

Марта ничего не сказала. Следующая ложка дошла благополучно. Эльза сидела напротив.

— Дать хлеб?

— Сама.

— Я только подвинуть.

— Сама.

Эльза откинулась на спинку.

— Хорошо.

Карл видел, что левая рука у Марты почти не участвует. Локоть был прижат к боку, кисть слегка согнута. При ходьбе левая нога тоже двигалась иначе: носок цеплялся за пол, и Марта чуть поднимала бедро, чтобы не споткнуться. Но больше всего Карла поразило не это, а то, как быстро девочка замечала взгляды. Когда санитар у соседнего стола задержался на ней слишком долго, Марта подняла глаза:

— Что?

Мужчина отвёл взгляд. Так же, как Эльза в первый день. Карл почувствовал неловкость. Пауль спас разговор.

— У тебя есть кошка?

Марта сразу оживилась.

— Есть.

— Как зовут?

— Мицци.

— Чёрная?

— Серая. Белое здесь.

Она показала на грудь.

— Мышей ловит?

— Нет. Боится.

— Тогда плохая кошка.

Марта нахмурилась.

— Хорошая.

— Но мышей не ловит.

— А ты ловишь?

Пауль открыл рот. Карл прыснул. Эльза закашлялась, скрывая смех. Пауль несколько секунд обдумывал.

— Я не кошка.

— Вот и она не обязана.

Марта впервые улыбнулась. Карл поймал себя на странном облегчении. Пока девочка спорит о кошке, всё кажется почти нормальным.

— А кто её кормит? — спросил Пауль.

— Мама.

Марта сказала это уверенно. Дом существовал. Потому что там была Мицци и мама её кормила.

* * *

После обеда пришли за Мартой. Пожилая врач и сестра.

— Нойман.

Марта прижала Лизель.

— Мама?

— Нет. Обследование.

— Я уже была у врача.

— Здесь другой.

— Лизель можно?

Врач хотела ответить, но Фогель, появившийся в дверях, сказал:

— Пусть берёт.

Марта сразу встала. Эльза помогла только подвинуть трость, не касаясь самой девочки. У двери Марта обернулась.

— Я вернусь?

Пауль удивлённо сказал:

— А куда ты денешься?

Взрослые промолчали. Эльза сказала:

— Иди. Мы здесь.

Марта вышла. Карл посмотрел на Эльзу.

— Почему она спросила?

— Потому что новая.

— Я не спрашивал.

— Ты спрашивал, когда домой.

Он вспомнил. И замолчал.

* * *

Обследование длилось почти два часа. Марту сначала взвесили и измерили. Потом попросили пройти по комнате без трости.

— Я упаду.

— Мы рядом.

— Я всё равно упаду.

Фогель сказал:

— Иди как можешь. Если не можешь — скажи.

Марта сделала четыре шага. На пятом качнулась. Врач подхватил под локоть.

— Вот.

Она сказала это не жалобно, а сердито: я предупреждала. Проверяли руки. Просили сжимать пальцы, поднимать их по очереди, касаться носа. Потом картинки. Дом. Лошадь. Ложка. Колесо.

— Что это?

— Колесо.

— Для чего?

— Для велосипеда.

— Только?

Марта задумалась.

— Для машины. Телеги. Поезда — другие.

Женщина-врач посмотрела на Фогеля и что-то отметила.

— Считать умеешь?

— Да.

— Три плюс четыре?

— Семь.

— Девять минус три?

— Шесть.

— Два раза по пять?

Марта на секунду задумалась.

— Десять.

— Читать?

— Да.

Ей дали короткую фразу. Она прочитала медленно, но правильно.

— Напиши имя.

Карандаш в правой руке лежал неудобно. Марта несколько раз поправила пальцы и вывела крупно: «Марта Нойман». Буквы плясали по строке.

— Хорошо.

— Я красивее могу.

— Не надо.

— А вы думаете, я всегда так пишу.

Фогель едва заметно улыбнулся.

— Мы не думаем. Мы записываем.

Марта посмотрела на него.

— Это хуже.

Женщина-врач подняла голову.

— Что?

— Ничего.

Дальше начались вопросы, которые девочке казались всё более бессмысленными. Как зовут бабушку. Чем болел дедушка. Были ли у кого-нибудь судороги. Кто поздно начал ходить. Кто плохо учился. Кто лежал в больнице.

— Я не знаю.

— Подумай.

— Мама знает.

— Мы спрашиваем тебя.

— Тогда вы будете знать меньше.

Фогель отвернулся, чтобы женщина не увидела улыбку. Потом спросили об отце. Марта стала серьёзной.

— Папа солдат.

Фогель посмотрел в карту. Там уже было: погиб.

— Он болел?

— Нет.

— Судороги?

— Нет.

— Часто пил?

Марта не поняла.

— Воду?

Фогель вмешался:

— Достаточно.

Женщина посмотрела на него.

— Это стандартный вопрос.

— Она не знает ответа.

Марта сказала:

— Папа был хороший.

Никто не стал записывать эту фразу.

* * *

Когда её вернули, Марта была злая и уставшая. Села на кровать, стянула ботинок и бросила под стул.

— Глупые вопросы.

— Какие? — спросил Пауль.

— Про дедушку.
— У меня тоже спрашивали.
— Они его знают?
— Моего?
— Моего.
— Нет.
— Тогда зачем?
Пауль пожал плечами.
— Врачи.
Это объяснение его вполне удовлетворяло. Марту — нет. Она поставила Лизель на подушку.
— Я хочу маму.
Никто не нашёл шутки. Эльза спросила:
— Тебе оставили рисунок?
— Какой?
— Ты что-нибудь рисовала?
— Дом.
— И?
— Забрали.
— Может, положат в карту.
Марта нахмурилась.
— Зачем дому карта?
Карл подумал, что вопрос действительно хороший.
* * *
Вечером Марте дали таблетку. Сестра поставила чашечку на тумбочку.
— Что это?
— Лекарство.
— От чего?
— Чтобы лучше спать.
Марта посмотрела с подозрением.
— Я хорошо сплю.
— Врач назначил.
— Он знает, как я сплю?
— Марта.
— Что?
— Выпей.
Она взяла таблетку, понюхала.
— Горькая?
— Не жуй.
— А Лизель?
— Что Лизель?
— Ей не надо?
Пауль засмеялся. Сестра тоже не удержалась.
— Лизель не надо.
— Почему?
— Потому что она тряпичная.
— Значит, ей повезло.
Эльза резко подняла глаза. Но Марта сказала это совершенно без подтекста. Она проглотила таблетку. Через полчаса уже клевала носом.

— Эльза.
— Что?
— Если мама придёт, а я сплю, разбудишь?
Эльза помедлила.
— Разбужу.
— Обещаешь?
— Обещаю.
Марта легла. Лизель устроила рядом, лицом вверх.
— Она не любит вниз.
— Кто?
— Лизель.
— Понятно.
— Ты смеёшься?
— Нет.
— Хорошо.
Через несколько минут Марта спала. Карл тихо сказал:
— Зачем обещала?
Эльза продолжала смотреть на книгу.
— Что?
— Ты же не знаешь, приедет ли её мать.
— Если приедет, разбужу.
— А если нет?
— Тогда обещание не понадобится.
Карл покачал головой.
— Очень удобно.
Эльза закрыла книгу.
— Иногда ребёнку нужна не правда обо всём мире, а одна ночь без страха.
— Она не маленькая.
— Ей десять.
— Я в десять уже...
— Ты в пятнадцать всё ещё спрашиваешь, когда домой.
Карл обиделся, потому что она попала точно.
* * *

Ночью Марта долго не спала. Карл понял это по тому, как она каждые несколько минут поправляла Лизель. Пауль уже сопел, Эрих лежал к двери лицом, Эльза держала книгу, но почти не читала.

— Марта, — тихо позвал Карл.
— Что?
— Боишься?
— Нет.
Слишком быстро.
— Я тоже в первый день не боялся.
— А потом?
— Иногда.
Она подумала.
— Я не больницы боюсь. Я боюсь, что мама придёт, а меня не найдёт.
— Почему не найдёт?
— Здесь домов много.

Карл хотел сказать, что в администрации всё записано. Но после собственных анкет это утешение показалось странным.

— Найдёт.

— А если меня переведут?

Эльза перестала переворачивать страницу.

— Кто сказал про перевод?

— Женщина маме. Я слышала.

— Это может быть просто другой корпус, — сказал Карл.

— Тогда мама должна знать какой.

— Конечно.

Марта вытащила из-под подушки платок. В уголке синей ниткой была вышита буква «М».

— Мама вышила. Если потеряюсь, по нему узнают.

— У тебя имя есть.

— Имя можно забыть.

— Своё?

— Не я. Они.

Карл не рассмеялся. Взрослые уже забывали передать её вопросы и слова о кошке. Для Марты мысль была практической, а не страшной.

— Платок не теряй.

Она спрятала его под подушку и уснула, всё ещё зажимая уголок пальцами. На следующий день мать Марты действительно приехала. Карл увидел её случайно. Они с Мюллером несли из мастерской ящик с починенными ручками. В административном коридоре на скамье сидела невысокая женщина в тёмном пальто. Платок был завязан под подбородком, на коленях — та самая старомодная сумка, какую носят матери, когда едут куда-то надолго и берут всё «на всякий случай». На сумке лежал свёрток. Карл догадался раньше, чем увидел фамилию на конверте.

— Это мама Марты.

Мюллер не остановился.

— Откуда знаешь?

— Похожа.

— Все матери похожи?

— Когда ждут — да.

Карл поставил ящик.

— Я скажу ей, что Марта...

Мюллер взял его за локоть.

— Нет.

— Почему?

— Потому что ты не должен вмешиваться.

— Она ждёт.

— Карл.

— Марта думает, мать «скоро» вернётся.

Мюллер посмотрел на женщину, потом на него.

— Здесь есть порядок.

— Я вижу.

— Иди.

— Но...

— Иди.

Карл поднял ящик. Проходя мимо, он встретился с женщиной глазами. Она едва заметно улыбнулась. Наверное, просто потому, что он был подростком из отделения и мог знать её дочь. Карл чуть не остановился. Мюллер толкнул дверь плечом. Они вышли.

* * *

Фрау Нойман приняли через двадцать минут. В кабинете сидели врач и секретарь.

— Как Марта?

Врач открыл карту.

— Осваивается.

— Она плачет?

— Не больше других детей.

— Она плохо переносит чужие места.

— Здесь к ней относятся внимательно.

— Я могу увидеть?

— Сегодня нежелательно.

Женщина не сразу поняла.

— Я приехала из Берлина.

— Я понимаю.

— У меня обратный поезд вечером.

— Посещения в период первичного наблюдения могут мешать адаптации.

— Но я обещала.

Врач посмотрел в карту.

— Ребёнок должен привыкнуть к режиму.

— Она не собака, чтобы привыкать к месту без меня.

Секретарь подняла голову. Фрау Нойман тут же смутилась собственного тона.

— Простите. Я просто...

— Мы понимаем.

Врач говорил спокойно, почти мягко.

— Есть вероятность, что Марту переведут в специализированное детское отделение. Там смогут наблюдать её подробнее.

— Почему?

— Её состояние требует уточнения.

— Она хуже?

— Мы не говорим об ухудшении.

— Тогда зачем переводить?

— Для обследования.

Женщина сжала сумку.

— Она поправится?

Врач выдержал короткую паузу.

— Мы надеемся улучшить её состояние.

Это был ответ, который можно было понять как угодно. Фрау Нойман поняла его так, как хотела.

— Значит, есть шанс.

Врач не стал спорить. Перед ней положили согласие на дальнейшее обследование и возможный перевод. Она прочла не всё. Медицинские слова были сложными. Несколько раз спросила, где расписаться. Перед подписью всё же остановилась.

— Куда её могут перевести?

— Решение позже.

— Мне сообщат?

— Разумеется.

— И если ей станет хуже?
— Разумеется.
Она подписала. У двери спросила:
— Передайте, пожалуйста, что я приходила.
— Передадим.
— И что Мицци дома.
Врач не понял.
— Кто?
— Кошка. Марта будет спрашивать.
— Хорошо.
Женщина уже взялась за ручку двери, потом обернулась.
— Она ведь здесь в безопасности?
Врач посмотрел на секретаря. Секретарь — на бумаги.
— Ваша дочь находится под медицинским наблюдением.
Фрау Нойман кивнула. Ей пришлось принять это вместо ответа.
* * *

Домой фрау Нойман вернулась уже в темноте. В квартире было холодно: утром она слишком сильно прикрыла заслонку, боясь оставить печь без присмотра. Мицци вышла из кухни и сразу направилась к сумке, обнюхала край, потом посмотрела на хозяйку.

— Нет её, — сказала женщина кошке. — Не привезла.

Собственный голос прозвучал нелепо в пустой комнате. Она поставила на стол свёрток, который собиралась передать Марте: два яблока, чистый платок, маленькая баночка варенья. Всё вернулось домой нетронутым. Мицци запрыгнула на стул Марты. Фрау Нойман хотела согнать, как делала всегда, но не стала. Села напротив. На спинке висел детский фартук. В углу лежала книга с закладкой на середине. Женщина впервые подумала, что если лечение затянется, Марта вернётся и вещи будут стоять точно там же, только она сама станет немного старше. Эта мысль показалась утешительной. На другом конце города она ждала ответа, не зная, какие решения в лечебнице уже успели принять без неё.
* * *

Марта узнала о визите только вечером.
— Твоя мать сегодня приезжала, — сказала сестра, раздавая лекарства.
Марта сразу села.
— Где?
— Уже уехала.
— Почему меня не позвали?
— Нельзя было.
— Кто сказал?
— Врач.
— Она что сказала?
Сестра на секунду замерла.
— Что дома всё хорошо.
— А Мицци?
Сестра не знала. Карл увидел это и быстро сказал:
— Мицци тоже хорошо.
Марта повернулась.
— Откуда знаешь?
Он попался на собственном желании помочь.
— Я... видел твою маму.
— Она сказала?

Карл помедлил.

— Да.

Это была первая сознательная ложь, которую он сказал Марте. Она улыбнулась.

— Я знала.

У Карла внутри стало неприятно. Но когда Марта спокойно легла и прижала Лизель, он решил, что, возможно, некоторые ложные слова тяжелее только для того, кто их произносит.

* * *

Поздно вечером Фогель просматривал карту Марты. На столе лежал её рисунок, забытый среди тестовых листов. Дом. Два окна. Кошка. Женщина у двери. Рядом маленькая фигура. Фогель взял рисунок, собираясь вложить в историю болезни. Остановился. В карте он сразу станет «материалом обследования». Ещё одним доказательством развития, моторики, способности к символическому изображению. Он сложил рисунок пополам и положил в ящик своего стола. Не совсем понимая зачем. Возможно, просто хотел, чтобы хотя бы одна вещь, сделанная Мартой, осталась не медицинским документом.

ЧАСТЬ II
СПИСКИ

Глава 7. Новое отделение

О новом отделении сначала заговорили взрослые. Не с детьми — между собой. Карл несколько раз слышал одно и то же выражение возле сестринского поста, в коридоре, даже в мастерской, когда Мюллер разговаривал с санитаром из другого корпуса: специализированное детское отделение. Слова звучали разумно. Почти обнадёживающе. Специализированное — значит, там умеют то, чего не умеют здесь. Детское — значит, предназначено именно для детей. Отделение — просто другая часть лечебницы. Если слушать только слова, бояться было нечего. И всё же Эльза однажды сказала:

— Мне не нравится, как взрослые произносят длинные названия.

Карл оторвался от книги.

— Почему?

— Чем длиннее название, тем меньше понятно, что там происходит.

— Это ты сама придумала?

— Нет. Жизнь помогла.

Он фыркнул. Эльза продолжила читать. Через два дня старшая сестра вошла в палату со списком. Карл увидел лист и почему-то сразу перестал улыбаться.

— Нойман, Марта.

Марта сидела на полу возле своей кровати и пыталась поставить Лизель на ноги. У куклы одна нога была пришита немного короче, поэтому она всё время падала набок.

— Я.

— После завтрака останешься. Тебя переводят.

Марта поднялась слишком быстро и покачнулась.

— Куда?

— В другое отделение.

— Почему?

— Для дальнейшего обследования.

— Я уже обследовалась.

— Марта.

— Что?

Сестра на секунду закрыла глаза, собираясь с терпением.

— Там занимаются детьми с такими нарушениями подробнее.

Марта посмотрела на свою левую руку.

— Какими «такими»?

В палате стало тихо. Сестра ответила осторожнее:

— Двигательными. Развитием. Там специалисты.

— А здесь не специалисты?

Пауль тихо засмеялся. Эльза тут же шикнула. Сестра сказала:

— Здесь тоже хорошие врачи.

— Тогда зачем мне туда?

Карл поймал взгляд Эльзы. В нём было почти уважение: Марта в десять лет умела доводить взрослую формулировку до того места, где та начинала рассыпаться.

— Так решил врач, — сказала сестра наконец.

Марта посмотрела на Лизель.

— Мама знает?

— Конечно.

Это слово прозвучало слишком быстро. Карл заметил. Эльза тоже. Марта — нет.

— Она придёт?

— Не сегодня.

— А когда?

— Не знаю.

Марта сжала губы.

— Все не знают.

* * *

Чемодан принесли после завтрака. Тот же коричневый. На ручке старая бирка с именем. Марта сама складывала вещи. Сестра попыталась помочь, но девочка закрыла крышку рукой.

— Я сама.

— Хорошо.

Кофта. Расчёска. Носовые платки. Книга. Сестра взяла книгу.

— Эта не твоя.

— Эльза дала.

Эльза, сидевшая у окна, сказала:

— Моя. Пусть возьмёт.

— Там есть книги.

— А эта уже начата.

Сестра вздохнула и положила обратно. Пауль всё это время рылся в тумбочке. Наконец достал каштан. Самый гладкий из своей коллекции.

— Держи.

Марта взяла.

— Зачем?

— Тебе.

— Я вижу. Зачем?

Пауль задумался.

— Чтобы было.

Эльза улыбнулась. Марта посмотрела каштан на свет, спрятала в карман.

— Не потеряю.

Пауль сразу успокоился. Эльза подошла к Марте.

— Если там будут плохо кормить — жалуйся.

— Кому?

— Всем подряд. Кому-нибудь надоест.

— А если не поможет?

— Тогда жалуйся ещё громче.

Марта улыбнулась. Потом неожиданно обняла Эльзу. Эльза замерла. Трость стукнула о кровать. Она осторожно положила руку на спину девочки.

— Всё будет хорошо.

Слова вышли автоматически. Карл увидел, как сразу после них изменилось лицо Эльзы. Будто она сама услышала обещание, которое не имела права давать. Марта не заметила. Она обняла Пауля, потом протянула руку Эриху. Эрих вместо рукопожатия показал два пальца на глаза, потом на неё — «увижу» или «буду смотреть». Марта рассмеялась. Карлу она сказала:

— Часы идут?

— Какие?

— Которые ты чинил.

— Идут.

— Хорошо.

— Почему тебе важно?

Она пожала плечами.

— Просто.

Сестра взяла чемодан.

— Пора.

Марта сразу стала серьёзной.

— Лизель со мной.

— Конечно.

Она прижала куклу. У двери обернулась.

— Я вернусь?

Никто из детей не ответил мгновенно. Сестра сказала:

— Здесь недалеко.

Это не было ответом. Марта поняла. Но пошла.

* * *

Из окна они видели, как её ведут через двор. Сестра впереди с чемоданом, Марта чуть позади. Девочка шла медленно, иногда носок левой ноги цеплялся за дорожку. Тогда она останавливалась, поправляла шаг и продолжала. Пауль стоял у стекла.

— Почему она не машет?

— Не видит нас, — сказал Карл.

— Я машу.

— Всё равно не видит.

— А вдруг.

Он продолжал. Марта и сестра прошли мимо сада, свернули к длинному светлому корпусу и исчезли за дверью. Пауль опустил руку.

— Далеко.

Эрих посмотрел на расстояние.

— Пять минут.

— Это далеко, если нельзя идти.

Эрих не ответил. Карл подумал: Пауль иногда говорит вещи, которые взрослый придумал бы себе как красивую фразу, а для него они просто очевидны.

* * *

Первая ночь в новом корпусе оказалась для Марты хуже первой ночи в Гёрдене. Там, в палате номер семь, всё было чужим, но рядом разговаривали дети, которых она уже успела узнать. Здесь незнакомыми были даже звуки. Девочка на соседней кровати скрипела зубами во сне. Кто-то дальше по коридору то начинал плакать, то внезапно замолкал. Сестра ходила с маленьким фонарём и проверяла кровати. Марта лежала, держа Лизель обеими руками. Спать хотелось, но каждый раз, когда закрывала глаза, казалось, что утром проснётся и не сможет

вспомнить дорогу обратно. Она стала перечислять про себя. Дверь палаты номер семь. Слева Карл. Напротив Пауль. У окна Эльза. Рядом Эрих. На тумбочке каштаны. У Карла книга. У Эльзы трость прислонена к кровати. Снова. Дверь. Карл. Пауль. Эльза. Эрих. На третьем повторе сестра заметила шёпот.

— Что ты говоришь?

— Ничего.

— Тебе плохо?

— Нет.

— Тогда спи.

Марта подождала, пока женщина уйдёт. Продолжила беззвучно, только губами. Ей казалось: если перечислять, старая палата не сможет исчезнуть. Утром первым делом проверила каштан в кармане. Он был на месте. Только после этого позволила сестре отвести себя на завтрак.

* * *

Первые два дня о Марте ещё спрашивали постоянно.

— Как она?

— Осваивается.

— Можно увидеть?

— Нет.

— Она просила?

— Не знаю.

На третий день сестра уже раздражалась.

— У меня не одна Марта Нойман.

Пауль удивился:

— А сколько?

Сестра посмотрела на него и не выдержала — улыбнулась.

— Я говорю, у меня много пациентов.

— Но Марта одна.

— Да, Пауль. Марта одна.

Эльза после этого перестала спрашивать вслух. Карл заметил.

— Почему?

— А смысл?

— Если все перестанут спрашивать, они вообще забудут.

— Кто?

— Взрослые.

Эльза посмотрела на него.

— Взрослые не забывают пациентов. У них карты.

— Я не про карту.

— Я знаю.

Она снова открыла книгу.

* * *

Карл попытался попасть в новое отделение с Мюллером. В мастерской подготовили ящик с дверными ручками и двумя починенными замками. Мюллер поднял.

— Я помогу.

— Сам донесу.

— Тяжёлый.

— Я ещё не старик.

Карл ухватился за другой край.

— Зато у меня руки пригодные.

Мюллер посмотрел на него.

— Хитрый.

Они понесли вместе. Карл понял, куда идут, только когда свернули к знакомому светлому корпусу. Сердце ударило быстрее.

— Здесь Марта.

— Возможно.

— Не возможно. Здесь.

У двери Мюллер поставил ящик.

— Ты остаёшься снаружи.

— Почему?

— Потому что я сказал.

— Я могу просто передать...

— Нет.

— Она нас ждёт.

Мюллер взял ручку двери.

— Карл.

Тот услышал предупреждение.

— Вы тоже всё время делаете вид, что правил больше, чем причин.

Мюллер медленно повернулся.

— А ты всё время думаешь, что если тебе не объяснили причину, её нет.

— Тогда объясните.

— Не обязан.

Он вошёл и закрыл дверь. Карл остался на крыльце. Через окно на первом этаже были видны белые занавески и край кровати. Больше ничего. Он простоял несколько минут, пока Мюллер не вернулся.

— Видели её?

— Нет.

— Спрашивали?

— Нет.

— Почему?

Мюллер поднял ящик с пустой тарой.

— Потому что я пришёл отнести замки.

— Очень удобно.

— Жизнь редко устраивает меня так удобно, как тебе кажется.

* * *

Фогеля Карл перехватил вечером.

— Вы были там?

— Где?

— В новом отделении.

Врач остановился.

— Был.

— Марта?

— Я её видел.

— Как она?

Пауза была короткой, но Карл её заметил.

— Пока стабильно.

— «Пока».

Фогель вздохнул.

— Что ты хочешь услышать?

— Нормально ли ей.

— Она не тяжело больна в данный момент.

— Она спрашивает про нас?

Врач посмотрел внимательнее.

— Спрашивает про мать.

Карл опустил глаза.

— А про нас?

— Тоже.

Это была правда лишь отчасти, но Карлу стало легче.

— Можно передать книгу?

— У неё есть книга.

— Эльзина.

— Значит, уже передали.

Фогель хотел уйти.

— Доктор.

— Да?

— Почему там нельзя посещать?

— Другой режим.

— Это не ответ.

Фогель посмотрел устало.

— Иногда я не знаю ответа, который тебя удовлетворит.

— А который не удовлетворит?

На этот раз врач усмехнулся.

— Ты действительно не сдаёшься.

— Нет.

— Новый корпус организован для наблюдения детей с определёнными состояниями. Там другой распорядок, другие исследования, меньше свободных перемещений. Достаточно?

— Нет.

— Но больше сейчас не будет.

Он ушёл. Карл подумал, что это хотя бы честнее, чем «режим».

* * *

В новом отделении было тише. Марта заметила это уже в первый вечер. Первый обед в новом отделении Марта запомнила не едой, а тишиной. Напротив неё сидела девочка с короткими тёмными волосами. Сестра подносила ей ложку, ждала, пока та проглотит, и набирала следующую. Девочка смотрела чуть в сторону, на край окна.

— Как её зовут? — спросила Марта.

— Ешь.

— Я ем.

Марта послушно проглотила ложку.

— Как зовут?

Сестра вздохнула.

— Клара.

— Сколько ей?

— Марта, здесь не нужно всё время разговаривать.

— А если ей скучно?

Сестра уже отвернулась. После обеда Марта подошла к Клариной кровати сама.

— Я Марта.

Клара не повернула голову.

— У меня кукла Лизель. Хочешь посмотреть?

Она положила куклу на край матраса.

— Только не забирай совсем. Смотреть можно.

Глаза Клары медленно переместились на куклу. Пальцы чуть дрогнули.

— Видишь? Волосы криво пришиты. Мама сама делала.

Вошла сестра.

— Нойман, на своё место.

— Я просто показываю.

— На своё место.

Марта забрала Лизель и села на свою кровать. Здесь всё её живое поведение неожиданно получало другое название. Вопросы становились помехой. Попытка познакомиться — нарушением порядка. Если засмеяться слишком громко, сестра оглядывалась на журнал. Марта перечислила про себя имена: Карл, Эльза, Пауль, Эрих. Потом ещё раз. После этого помещение стало чуть менее чужим. В старой палате Пауль почти всегда что-нибудь говорил. Эрих стучал карандашом. Эльза переворачивала страницы и ворчала, когда кто-то мешал. Здесь две девочки почти не разговаривали, одна всё время лежала лицом к стене, а маленький мальчик у двери иногда начинал повторять один звук и продолжал, пока сестра не подходила. Марта сидела у окна и пыталась читать книгу Эльзы. Строчка уезжала. Она возвращалась к началу. Суп действительно оказался хуже. Когда вошёл Фогель, Марта сразу сказала:

— Здесь невкусно.

— Это медицинская жалоба?

— Очень.

— Записать?

— Запишите.

Фогель улыбнулся. Он открыл карту на тумбочке. Записей стало больше. Новые обследования. Новые назначения. Одно название было подчёркнуто. Фогель нахмурился.

— Когда изменили дозу?

Сестра посмотрела журнал.

— Вчера.

— Кто назначил?

Она назвала врача.

— Меня не уведомляли.

— Она теперь пациентка этого отделения.

— Я знаю.

— Значит, решения принимает здешний врач.

Фогель закрыл карту. Марта наблюдала.

— Вы ругаетесь?

— Нет.

— Все так говорят, когда ругаются.

Сестра отвернулась, скрывая улыбку.

* * *

Ночью Марта проснулась от плача в соседней палате. Кто-то звал мать. Одно слово повторялось через одинаковые промежутки, пока голос не охрип. Марта сначала накрыла ухо одеялом, потом села. Сестра прошла по коридору. Плач ненадолго стих и начался снова. Марта спустила ноги на пол. Левая ступня не сразу попала в тапок.

— Куда? — спросила сестра, появившись в дверях.

— В уборную.

В коридоре Марта увидела маленького мальчика на кровати. Лицо было мокрым.

— Мама.

— Мама ночью не приедет. Спать.

— Мама.

Марта остановилась.

— Его мама знает, где он?

— Конечно.

— Тогда почему он плачет?

— Потому что маленький. Нойман, в кровать.

Вернувшись, Марта долго шептала домашний адрес: улицу, номер дома, этаж. Потом попыталась вспомнить адрес лечебницы. Она решила, что если знает две точки, между ними обязательно существует дорога. Так было легче уснуть. Через несколько дней в старой палате разобрали кровать, на которой Марта спала до перевода. Карл вернулся из мастерской и увидел металлический каркас у стены. Матрас исчез.

— Что это?

Эльза посмотрела.

— Кровать.

— Я вижу. Зачем?

— Спроси.

Карл вышел в коридор. Сестра объяснила:

— Место нужно новому пациенту. Кровать временно перенесут.

— А если Марта вернётся?

— Найдём кровать.

— Значит, она не вернётся сюда?

— Я этого не сказала.

— Но вещи забрали. Теперь кровать.

Сестра устала.

— Карл, кровать — мебель.

Он почти крикнул:

— Для вас.

Она замерла. Карл сам испугался своего тона.

— Что ты сказал?

— Ничего.

Вернулся в палату. Эльза сидела у окна.

— Ну?

— «Мебель».

— Ага.

— Что «ага»?

— Сначала человек уходит. Потом вещи. Потом кровать. Потом на его место приходит другой.

— Ты всё заранее знаешь?

— Нет.

— Тогда почему говоришь так спокойно?

Эльза посмотрела на него.

— Потому что я это уже видела.

Карл вспомнил Вальтера.

* * *

Новый мальчик появился через два дня. Его звали Йозеф. Тринадцать лет. Очень худой, длиннорукий, почти не разговаривал. Сестра показала кровать.

— Здесь.

Йозеф сел, не снимая куртки. Пауль подошёл первым.

— Я Пауль.

Тишина.

— Это Карл.

Тишина.

— Эльза.

Йозеф смотрел на стену. Эрих подошёл и встал перед ним так, чтобы поймать взгляд.

— Ты слышишь?

Йозеф медленно кивнул.

— Как зовут?

Почти шёпотом:

— Йозеф.

Пауль улыбнулся.

— Вот. Теперь знаем.

Карл посмотрел на тумбочку. На краю кто-то раньше нацарапал карандашом маленькую букву «М». Он не был уверен, Марта ли. Но провёл пальцем и не стал стирать.

Глава 8. Доктор Хайнце

Накануне приезда директора старшая сестра задержалась в палате после вечерней раздачи лекарств. Она осмотрела подоконник, тумбочки, обувь под кроватями и приказала привести всё в образцовый порядок. Пауль поспешно закрыл каштаны ладонями: его сокровища приняли за беспорядок. Эльза заметила, что подобная внезапная забота о чистоте бывает только перед приездом начальства. К утру её догадка подтвердилась. Санитар натирал перила, сестра лично осматривала палаты, с часов, починенных Карлом, снова стирали пыль, которой там почти не было.

В лечебницу приезжал профессор Хайнце. Карл раньше слышал эту фамилию от Мюллера и заметил, как менялся голос врачей, когда они произносили слово «директор». Они не выглядели испуганными, но начинали точнее подбирать выражения. Пауль спросил, главный ли это человек во всём мире, и получил ответ, что только в лечебнице. После недолгого размышления мальчик решил выяснить вечером, кто же начальствует над самим профессором. Карл засмеялся; Эльза закрыла книгу и сказала, что до вечера у них появится достаточно других вопросов.

* * *

Около десяти коридор притих. Никакого особого сигнала не было, однако сотрудники почти одновременно заняли свои места, а несколько дверей закрылись. В палату вошёл старший врач, за ним человек среднего роста в круглых очках и белом халате, потом Фогель, ещё один врач и старшая сестра. Карл удивился обычности директора. Он ожидал кого-то, чей авторитет будет виден с первого взгляда, но профессор Хайнце казался скорее внимательным школьным учителем.

Пауль прошептал, тот ли это самый директор, и Эльза незаметно наступила ему на ботинок, призывая замолчать. Мальчик вскрикнул; Хайнце остановился и спокойно спросил, что случилось. Эльза объяснила, что ничего серьёзного, а профессор перешёл к пациентам. Сначала он осмотрел молчаливого Йозефа. Попросил его встать, сделать несколько шагов, ответить на простые вопросы. Карл видел, как санитар поправил положение мальчика прежде, чем тот успел сам найти опору.

Хайнце записывал кратко. Карл успел прожить рядом с Йозефом несколько дней и почти ничего не знал о нём, кроме фотографии, которую тот иногда доставал. Директор же задавал вопросы с уверенным видом человека, которому нескольких ответов достаточно, чтобы продолжить заполнение карты. Это тревожило Карла больше, чем холодная манера профессора.

* * *

Пауль, напротив, был доволен вниманием. Он назвал себя, свой возраст, рассказал, что умеет считать до ста и выполнять простые поручения. На вопрос о чтении ответил без колеба-

ний: читает, когда слова не слишком длинные. Врач проверил несколько заданий, расспросил о матери и о том, кто помогает мальчику в обычных делах. Пауль старательно отвечал на всё, даже когда вопрос касался прошлого, которое он помнил смутно.

Карл наблюдал, как Пауль каждый раз ищет на лицах взрослых знак одобрения. Одобрение действительно последовало: Хайнце сказал «хорошо» и сделал запись. Когда группа отошла, мальчик прошептал Карлу, что всё выполнил правильно. Карл не стал объяснять разницу между правильным ответом и врачебной пометкой. Пауль слишком редко получал повод гордиться собой.

* * *

Осмотр Эриха занял больше времени. Хайнце сразу встал напротив, чтобы мальчик видел губы, и выяснил, что слух ухудшился после детской болезни. Затем последовали привычные вопросы о чтении, письме и счёте. С каждым новым вопросом Эрих становился напряжённее. Наконец профессор протянул ему бумагу и предложил написать любое предложение.

Эрих долго держал карандаш над листом. Карл уже подумал, что мальчик растерялся, но тот написал крупно и совершенно отчётливо: «Я плохо слышу, но я не глупый». Он протянул лист так, чтобы его прочитали все врачи. В палате стало тихо. Хайнце не обиделся. Он уточнил у Фогеля, как давно пересматривали старый диагноз и почему до сих пор не завершили исследование слуха. Фогель напомнил об очереди к специалисту; профессор потребовал провести обследование в ближайшие дни, а не ограничиваться новым обещанием.

Карл увидел, как Фогель выпрямился и кивнул директору, словно сам на мгновение стал учеником, которому указали на пропущенную задачу. Эрих стоял с листком в руке. Карл хотел ободряюще улыбнуться, но не стал: просьба мальчика была слишком серьёзной, чтобы утешать его улыбкой.

После осмотра Эрих не сразу убрал тетрадь. Пока профессор переходил к Эльзе, мальчик осторожно вырвал из середины блокнота старую страницу. Там были записаны советы, которые ему давали при прежних обследованиях: отвечать громче, внимательнее слушать, не отвлекаться. Некоторые слова он обвёл несколько раз, стараясь убедить себя, что понимает, чего от него хотят. Карл увидел лист и потянулся было взять его, но Эрих прикрыл запись ладонью. Он не собирался отдавать свою старую неудачу на рассмотрение друзьям.

Мальчик сложил страницу пополам и спрятал в карман. Возле окна профессор продолжал разговор с Фогелем, уже не обращая на него внимания. Эрих смотрел на движения их губ; они поворачивались друг к другу, и смысл исчезал. На этот раз он не стал угадывать слова по выражению лиц. Он положил тетрадь перед собой, написал дату и оставил под ней свободное место. Карл спросил, для чего оно.

— Для ответа, — произнёс Эрих.

Карл не знал, какой именно ответ ему нужен. Впервые не стал предлагать чужой. Когда врачебная группа повернулась к следующей кровати, он помог Эриху найти на столе уронившийся карандаш. Эрих кивнул, но продолжал смотреть на пустую строчку. Для него осмотр ещё не закончился: написанное в карте должно было когда-нибудь вернуться к человеку, который его носил.

* * *

Эльза встала до того, как к ней обратились. Поставила трость ровно, несколько раз проверила опору и пошла к окну. Хайнце попросил ускорить шаг. Она остановилась: могла пройти быстрее, но тогда рисковала упасть. Старшая сестра уже собиралась вмешаться, однако директор велел девочке отвечать самой. Он расспросил её о падениях, спазмах и боли, затем об учёбе. Эльза назвала книгу, которую читала сейчас, и сдержанно заметила, что иначе незачем было бы тратить на неё время.

Фогель подтвердил, что интеллект девочки сохранён, она хорошо обучается и способна к лёгкому труду. Хайнце спросил, чего та хочет после выписки. Впервые за весь осмотр Эльза не

нашлась сразу: она хотела продолжить учёбу, но не могла назвать школу или срок. Профессор заметил, что желание ещё не составляет плана. Эльза крепче сжала трость.

— Сначала нужно выйти отсюда.

Хайнце согласился и перешёл к следующему пациенту. Эльза осталась у окна, чувствуя, как левую ногу начинает сводить после слишком быстрого шага. Заранее объяснять боль было бессмысленно: её проявление считалось частью обследования, а последствия оставались с ней.

* * *

Карл рассказал о приступах и металлическом запахе, который иногда предшествовал им. Директор спросил об учёбе и работе; Мюллера пригласили из коридора, чтобы получить независимое свидетельство. Тот подтвердил, что мальчик самостоятельно справляется с замками и мелким ремонтом, а в мастерской больших приступов не было. Хайнце листал карту, и Карл увидел знакомое слово «работоспособен».

Профессор заинтересовался мечтой Карла стать часовщиком. Мальчик объяснил, что ему нравится связь каждой детали с остальными: неисправная пружина меняет ход всего механизма. Ответ был услышан, но Карл не знал, насколько серьёзно его приняли. Ему разрешили продолжать работу. Мюллер стоял рядом и слышал это; мальчику захотелось поймать его взгляд и получить одобрение. Через секунду стало неловко: он радовался так, будто выиграл соревнование, которого вообще не должно было быть.

* * *

Когда шаги комиссии удалились, в палате все заговорили одновременно. Пауль с облегчением повторял, что правильно посчитал, и радовался произнесённому профессором «хорошо». Эрих долго смотрел на свой лист, затем сложил и порвал его. На вопрос Карла, зачем уничтожать записанное, ответил, что нужный человек уже прочитал. Карлу было жаль бумагу, но он не стал удерживать его.

Эльза сняла ботинок и принялась растирать больную ногу. Ускоренная ходьба вызвала спазм, хотя во время осмотра она старалась этого не показывать. Карл не понимал, почему она подчинилась просьбе идти быстрее, заранее зная последствия. Эльза ответила, что сама тоже не любит этого в себе: во время проверки человек вдруг старается выполнить даже то, чего не стал бы делать в обычный день, потому что не хочет увидеть в карте отметку «не может».

Сестра оставила в палате графин воды, потом вспомнила, что его надо убрать со стола, и унесла. Пауль хотел догнать её, чтобы налить всем по кружке, но Эльза остановила его. У неё всё ещё дрожала левая рука после ходьбы без привычной опоры. Карл пододвинул ей стул, и на этот раз девочка не возразила: сама попросила поставить его ближе к окну. Они некоторое время сидели молча, пока в коридоре переставляли мебель обратно на прежние места.

Пауль всё никак не мог решить, что именно понравилось ему в профессоре. Тот не ругал за ошибки, разрешил пересчитать предметы и внимательно слушал ответы. Эльза напомнила, что профессор уедет к вечеру, а вопросы останутся. Мальчик не обиделся. Он предложил завтра повторить испытание, но уже без взрослых. Карл неожиданно поддержал эту мысль: можно проверить не то, что умеешь считать, а то, что сумеешь запомнить после прогулки. Пауль загорелся, принялся называть деревья за окном, забыл про спазм Эльзы и на несколько минут превратил палату в обычную комнату школьников, которым скучно после урока.

Когда пришла сестра и велела отдыхать, игра оборвалась. Эльза всё-таки успела назвать последнюю вещь — открытую створку окна напротив. Пауль потребовал записать победителя. Эрих поднял карандаш, но вместо имени вывел четыре маленькие отметки рядом: никого не объявил лучшим. Пауль огорчился на секунду, потом забрал лист себе. Карл заметил, что сегодня это была единственная запись, от которой не становилось страшно.

Карл вспомнил о предвестнике приступа, который едва не скрыл в мастерской. Он намеревался признаться ей, но не решился. В палате пахло лекарствами и только что вымытым

полом; за дверью комиссия продолжала работу, а здесь каждый уже пытался справиться с тем, что осталось после чужого осмотра.

* * *

В детском отделении Марта приготовилась к приходу комиссии заранее. Посадила Лизель прямо, поправила кукле платье и сама уселась как можно ровнее. Хайнце открыл карту и принялся выяснять сведения о ходьбе, речи, учёбе. Девочка перебила врача отделения, когда услышала оценку собственных способностей: она ведь всё понимает, зачем обсуждать это так, будто её здесь нет?

Директор на мгновение отвёл глаза от бумаги и спросил про куклу. Марта назвала Лизель и объяснила, что та не больная — она вообще тряпичная, а значит, вопрос о её здоровье лишён смысла. Фогель опустил голову, пряча улыбку. Однако следующий вопрос Марты был серьёзным. Она хотела знать, когда сможет вернуться домой. Взрослые переглянулись; профессор ответил, что срок решат врачи. Девочка посмотрела на Фогеля, с которым уже обсуждала возвращение. Тот едва заметно пожал плечами.

После ухода комиссии Марта осторожно положила куклу рядом с подушкой. Из сказанного ей было ясно только одно: никто из взрослых не назвал дату, хотя у всех в руках были бумаги, в которых, казалось бы, должно находиться всё необходимое.

* * *

В кабинете после обхода Хайнце быстро перелистывал карты и требовал точных формулировок. Его раздражали расплывчатые заключения, в которых пациенту приписывали ухудшение без указания, как именно оно было установлено. Фогель объяснял, где прежние наблюдения ещё требовали проверки. Профессор возвращал бумаги на доработку: слух Эриха следовало обследовать отдельно, двигательные ограничения Эльзы — описать без преувеличений, а при оценке Карла не смешивать припадки и повседневные навыки.

Фогель испытывал благодарность за эти требования, но не мог избавиться от другой мысли. Человек мог быть осмотрен внимательно, а затем остаться лишь совокупностью верных медицинских формулировок. Когда речь зашла о будущих переводах, он спросил, что станет с теми, чьи карты будут уточнены позже. Хайнце ответил, что они обязаны описывать текущее медицинское состояние; дальнейшие административные решения принимаются в другом порядке. Фогель услышал точность ответа — и то, о чём ответ умалчивал.

* * *

Перед отъездом директор задержался в канцелярии. Секретарь подала папку; Хайнце пролистал её, некоторые документы вернул для дополнения, другие оставил на отправку. В помещении пахло влажной бумагой и чернилами. Ни один из присутствующих не повысил голоса, никто не произнёс торжественных слов. Профессор дал последние распоряжения, закрыл папку и вышел. Секретарь продолжила раскладывать листы по конвертам так спокойно, будто всё решённое в этот день относилось к хозяйственным закупкам.

* * *

Из окна Карл видел, как автомобиль директора выехал за ворота. Пауль стоял рядом и уверял, что профессор хороший: он правильно разговаривал с Эрихом и велел проверить его слух. Карл согласился с тем, что обследование наконец назначили, но не хотел делать окончательный вывод о человеке после одного визита.

Эльза, слушавшая разговор с кровати, заметила, что одна хорошая запись не отменяет всех прочих бумаг. Карл собирался расспросить её, но машина уже скрылась за деревьями, и разговор потерял смысл. Он подумал об Эрихе, который разорвал написанный лист, и о Марте, так и не получившей ответа на самый простой вопрос. В палате снова стало тихо.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.